

Б. Конофальский

ГЛУБОКИЙ РЕЙД

Рейд

Борис Конофальский

Глубокий рейд

«Автор»

2024

Конофальский Б.

Глубокий рейд / Б. Конофальский — «Автор», 2024 — (Рейд)

Продолжение приключений урядника Акима Саблина.ВНИМАНИЕ!

Продолжение рассчитано только на тех, кому понравились первые книги серии "РЕЙД"

© Конофальский Б., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 5-6	23
Глава 7-8	30
Глава 9-10	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Борис Конофальский

Глубокий рейд

Глава 1

И снова хлопок, хоть и далеко, но даже тут, более чем в метре под землёй, за слоем бетона, за мешками с песком, чувствуется едва заметный импульс. Несколько песчинок падает с потолка перед ним на стол. Он машинально смахивает их ладонью.

Саблин отрывается от своего недельного рапорта, с которым мучается уже третий час. У него никак не сходится расход боеприпасов. Простых мин «МПП-44» не хватает два ящика. Куда делись шестнадцать мин, он ума не может приложить, а что ещё хуже, они никак не отражены на картах минных полей. Бог знает, где эти мины.

Скорее всего, он плохо посчитал ящики, когда принимал позицию у сменщиков. Хорошо, если так. И теперь об этом придётся как-то докладывать подсотенному. Подсотенный Черкас был старым знакомцем Саблина.

«Он казак добрый, поймёт».

Но всё равно неприятно. Первая неделя на позиции – и на тебе, мины пропали, и теперь с картами расстановки мин не всё ясно. Потеряли? Это ещё полбеды. А если поставили и забыли указать место? А вот это уже совсем другое дело. В общем, это было всё не очень приятно.

Да и патронов для пулемёта у него заметный перерасход, хотя за всю неделю значимых столкновений у его взвода не было. Пулемёт вообще работал раза два. Да и то по «крабам», с большой дистанции. В принципе, на его участке было тихо.

Тихо... Но от всех этих недостатков у него аж голова начала болеть, он «сохраняется», отодвигает блокнот и выключает его. Урядник с удовольствием откладывает эту неприятную, но необходимую работу...

«К чёрту её».

...и берёт трубку телефона, нажимает кнопку и ждёт, пока ему ответят. Отвечают командиру почти сразу, секунды через четыре.

– Первый, – слышится знакомый голос казака Васенкова.

– По узлу бьют? – спрашивает Саблин.

– Так точно. Ищут... Не попали, но нащупывают. Метров двадцать недолёт.

– Дрон их видал?

– Да откуда же?

– Ну, мало ли...

– Нет, Петя его зафиксировал, час назад примерно, но он тут же свалил из зоны видимости, даже прицелиться не дался, ушёл... Нет, они близко его к нам уже не подводят. Наученные уже.

Петя – это Пётр Каховской, их оператор РЭБ-станции. А дронов за первую неделю на позициях казаки его взвода сбили уже две штуки. Это было неплохое начало смены. Дроны даже китайцам обходятся дорого: камеры, аккумуляторы, системы управления... Сотник в приказе официально поблагодарил Саблина за то, что его подчинённые «обезвредили китайские средства наблюдения».

– Ладно... Ты разрывы считай и фиксируй их, – напоминает Аким.

– Есть считать разрывы, господин урядник, – чуть нехотя отвечает Васенков.

Его можно понять: кому охота заниматься этой ерундой. Но подобную отчётность уже месяц как требуют отцы-атаманы. Всё это нужно для техников. Они высчитывают, как быстро артиллеристы НОАК находят зарытые в песок выносные блоки РЭБ-станций. Техникам нужна

надёжная статистка. В общем, вопрос на самом-то деле серьёзный, важный. НОАКовцы всё-таки худо-бедно, но научились находить блоки и накрывать их артиллерией. А без прикрытия средствами РЭБ в такой тягучей, позиционной войне окопов выстоять без потерь будет очень сложно.

Вот только заниматься этим, конечно, никому в боевой обстановке не хочется. Вот и ворчат казаки. И Васенков добавляет потом: – Это второй снаряд за мой караул.

– Ладно, давай, – заканчивает Саблин. – Не забывай отмечать на карте места разрывов.

– Есть, – коротко обещает подчинённый и отключается.

И снова перед ним его электронный блокнот с рапортом, который нужно закончить. А уряднику так неохота, и он ищет причины отложить это обязательное занятие.

«Покурить? Выпить чаю?».

Но перед ним целая пепельница с окурками, и воздух от дыма в его командирской спёртый, сизый. И чай он пил только что. Саблин наконец находит выход и кричит в раскрытую не по уставу дверь:

– Саня!

И тут же в соседней комнатухе зашевелилось что-то механическое, стали повизгивать сервомоторы, зажужжали привода, потом послышалось несколько тяжёлых шагов и в командирскую ввалился Саша Каштенков в полной экипировке тяжёлого пехотинца, не было на нём лишь пыльника и ранца. Шлем откинут на спину, перчатки висят на шнурах.

А вместо оружия у него в руке был видеоплеер, он только что смотрел какую-то весёлую чушь из глубокого прошлого.

– Чего звал? – весьма фамильярно интересуется Каштенков у своего командира.

– Надо пересчитать мины, – отвечает урядник.

– Так считали уже... – напоминает ему Каштенков. И перечисляет: – Четыре ящика на центральном посту, два ящика на первом и по одному на пятом и на шестом.

– Чего ты мне это рассказываешь? – бурчит взводный. – Я с тобой их и считал, ты остальные мне найди.

– Да где искать-то? – недоумевает Каштенков.

– Не знаю; на кухню сходи, в моечную, под кроватями погляди, должны быть эти мины, – Саблин хоть и особо не хочет, но тянет из солдатского портсигара сигарету и ей тычет в планшет, – нет мин на карте. Нет, понимаешь? Придут наши сменщики через три недели, пойдут куда и подорвутся на наших же минах.

– Ну так не мы же их расставили, – упрямится Каштенков. Кому охота сейчас таскаться по траншеям между постами по такой жаре. Конечно, тут, в кондиционируемом командном пункте, сидеть-то с планшетом в руках поприятнее будет. – Мы поставили только четыре мины, за камнями у первого поста, остальные все ставили до нас. Мы свои поставленные на карте указали.

– Саня, – Аким уже начинает закипать. «Вот так иметь товарища в подчинённых». – Ты давай, это... не беси меня. Иди ищи мины. Пройдись по блиндажам. Опроси казаков, может у кого на ИОТах[1] ящики из-под мин под ногами стоят. Проверь их.

Это было обычное дело; на ИОТах часто, чтобы не делать лишнюю ступеньку в некрепком грунте, казаки ставили на огневой позиции ящик из-под патронов или гранат. Может, кто-то так же поставил ящик с минами, и так он там и остался.

– Ладно, – наконец соглашается младший урядник Каштенков, – пойду ещё раз всё посмотрю, вдруг и правда у какого-то раззявы под кроватью стоит.

Он уходит и собирается: надевает пыльник, берёт винтовку, ранец не берёт и, даже не накинув шлема, выходит из командирской.

Саблин бросает сигарету на стол перед собой и снова берёт в руки свой офицерский блокнот, вбивает пароль – и прежде чем блокнот успевает загрузиться, на пороге его помеще-

ния появляется молодой казак Милевич. С планшетом связи в руках. Он останавливается в проходе.

– Господин урядник, шифровка из «сотни».

– И что там? – спрашивает урядник и протягивает руку.

– Да ничего, – отвечает казак-первогодок, – как обычно, транспорт к ночи будет, – он отдаёт планшет командиру.

Так и есть, ему сообщает подсотенный, чтобы к десяти часам ночи он обеспечил безопасность и встречу транспорта в условленном месте. В нем будет провиант, вода, топливо для генераторов, сменные фильтры для помывочной, может, что из боеприпасов, ну и, конечно же, ящики с хладогеном. Всё как обычно. Саблин вводит свой персональный код офицера, нажимает кнопку «Сообщение принял» и отдаёт планшет молодому связисту.

Казак уходит, а урядник остаётся один на один со своим рапортом, у него ещё есть время. Рапорт нужно отправить в «сотню» до полуночи. Аким ещё надеется, что Каштенков найдёт мины. Но эта ещё та надежда.

Каштенков вернулся через полчаса или минут через сорок, встал в дверях и, откинув шлем на спину, сказал:

– Нет нигде этих мин, Аким, – и добавил потом, словно извиняясь: – Посчитали мы их неправильно. Не нужно было подписывать акт приёмки у третьего взвода.

«... мы их неправильно».

«Мы...». Сашка-то как раз боеприпасы не считал, он другим занимался. Всё считал сам Саблин вместе с урядником третьего взвода Самариным.

«Зараза этот Самарин... Объегорил... Повесил недостачу».

Теперь-то Акиме это было ясно. И он решил закончить рапорт, но указать в нём всё как было. Мол, так и так, принял, подписал, но по факту двух ящиков мин не хватает. Будь что будет. Пусть подсотенный сам разбирается. Ну, или забудет про эти мины. Саблин закончил рапорт, перечитал его в последний раз, позвал радиста и отправил сообщение в «сотню».

Пужинали, и сразу после вечернего заряда он надел броню и вышел пройтись по траншеям – посмотреть, не сильно ли завалило их песком. Заряд был недолгий, песка, конечно, нанесло, но немного. Казаки и сами учёные люди, всё знающие. Они понимают, если сегодня траншеи не почистить, завтра и послезавтра, то потом и прятаться от тяжёлых снарядов противника уже негде будет. Люди без его приказов сами вышли очищать ходы сообщения и ИОТы. Впрочем, это было делом недолгим, десять минут, иногда пятнадцать – и всё. В его втором взводе вместе с ним и его заместителем младшим урядником Каштенковым – двадцать два человека; ещё четверо казаков сейчас на постах, в наблюдателях, ещё двое – это один из двух связистов и один из двух операторов РЭБ-станции, эти двое, считай, на круглосуточном посту.

Все остальные, взяв лопаты, идут убирать песок, а всех траншей, окопов и ходов сообщений на вверенном ему узле обороны под номером «десять шестьдесят один» меньше трех километров, так что казаки справляются довольно быстро.

Проходя мимо работающих казаков, он замечает у одного из них на плече номер «тридцать три» и обращается к нему:

– Вася.

– Да, господин урядник, – приказной Величко останавливает работу и втыкает лопату в песок.

– Через полчаса придёт транспорт, как закончите тут, будь со своим отделением у Старого камня. Сегодня ваша очередь разгружать.

– Есть, – отвечает командир третьего отделения. И принимается чистить траншею дальше.

Старый камень – это растрескавшийся от весенних дождей кусок песчаника, торчащий из песка в трёх сотнях метров на север от начала траншей. Конечно, транспорт можно было подогнать к траншеям вплотную, меньше было бы людям хлопот, но китайцы...

Командование сообщало, что у НОАКовцев появились новые ночные камеры на дронах, с улучшенной светочувствительностью, видят они дальше; в общем, в позапрошлую смену один транспорт на разгрузке они накрыли артиллерией. Погиб один казак и сгорела машина. Теперь грузовики останавливались за камнями, не доезжая до узла обороны «десять шесть-десять один» трёх сотен метров. Грузовик пришёл вовремя, так что казакам из отделения приказного Величко ждать не пришлось, они быстро выкинули грузы из кузова и стали носить их к траншее, а там уже их поджидали казаки из других отделений, они забирали принесённое и разносили всё по местам.

После того как грузу было найдено место, наступал час помывки и день заканчивался. Конечно, воды на всех, чтобы по-настоящему помывться, тут, на боевых позициях, не было, потому и были в цене фильтры для помывочной. Когда отфильтрованной водой можно было мыться снова и снова. И так пока через фильтр не пройдёт триста литров. То есть одного фильтра хватало не больше чем на десять человек. В общем, не до роскошества, но эти вечерние помывки, как и сигареты, полстакана водки или место у кондиционера, были здесь, в раскалённой степи, единственными удовольствиями для казаков. И это ещё его четвертой роте повезло с участком. Участок «десять шестьдесят один» находился на одном месте давно и поэтому был хорошо оборудован. Далеко не на всех узлах обороны имелись помывочные, да ещё две комнаты с кондиционерами. И теперь те, кто таскал грузы, и те, кто собирались спать, шли мыться. Получить тридцать литров своей хоть и не холодной, но всё равно такой приятной воды.

Ужин уже был. И после помывки его заместитель Саня Каштенков, а также командиры отделений приказные Величко, Самохин и Ключев собрались у него в командирской комнате.

Ключев только что пришёл со своего самого дальнего шестого поста, даже пыльника не снял. Пыльник у него старый, выцветший, аж белый, на левом плече не без труда можно разглядеть скрещенные топоры и пламя над ними и буквы с цифрами 2ПКП.4СТ. 2ВЗ.

– Ну что, господа казаки, – начинает Саблин. – День прошёл, будем считать, тихо.

– И слава Богу, господин урядник, – отвечает ему Ключев, достаёт сигареты из кармана пыльника и закуривает.

У Кузьмы Ключева почти все волосы седые. И короткие, как и у всех, кто носит тяжёлый пехотный шлем. Кондиционер сдувает дым с его сигареты. На правах заместителя урядника заговорил Каштенков:

– Посчитали количество разрывов?

Приказные достают небольшие листочки и отдают их младшему уряднику, тот подсчитывает и говорит:

– Всего за сегодня семнадцать снарядов по нам выпустили.

– Семнадцать? – удивляется Саблин. Он берёт листки и смотрит, куда сегодня били китайцы. – Вчера было шесть.

– А позавчера вообще два! – вспоминает Каштенков.

– Это к чему они? – настороженно спрашивает приказной Величко. – Может, планируют что?

– Может, и планируют, – рассматривая разрывы снарядов на картах и сверяя их с зарытыми в песок вспомогательными блок-станциями радиоэлектронной борьбы, произносит Аким, – но, кажись, искали наши блоки РЭБ. Вон как кучно вокруг первого блока укладывали, и по шестому тоже... Близко били...

На самом деле всё это неприятно. Очень. Без станций его позиция становится беззащитной от наблюдательных дронов и, разумеется, от точного огня артиллерии противника; и, что

самое неприятное, – от подвижных, четырехлапых самонаводящихся мин, которых у китайцев всегда хватало и которых казаки называли «крабами».

– Нащупывают... – говорит Самохин озабочено. – Завтра и разбить какую могут.

– Может, перепрятать их? – предлагает Каштенков. – А то попадут... Так у нас всего один блок в запасе имеется.

– Да, Сань, перезакопай эту, – говорит урядник и пальцем указывает на ту станцию, вокруг которой было больше всего разрывов.

– Передвину его метров на тридцать ближе вон к той траншее, – он указывает место рядом с блиндажом на шестом посту.

– Потом не забудь на карте отметить, куда поставил, – напоминает своему заместителю Аким. И тут же обращается к командирам отделений: – Ну что, господа казаки, вопросы есть?

– Да нет вроде, – за всех отвечает Клюев и тушит окурки.

– Ну, тогда, – продолжает взводный, – Вася, твои спать. Кузьма, твои в резерв и на смену, ты, Андрей...

– Я на посты первый, – закончил Самохин за начальника.

– Андрей, до смены не курить... – начал было урядник. – Ну, как обычно... Чай на постах не пить...

– Да знаю, господин урядник, знаю, не первый год на службе, – обещал ему командир третьего отделения.

Этого делать было не нужно, мало ли шальной снаряд или ещё что, но Саблин, закончив совещание, вышел на воздух без брони. В одной кольчуге и остановился, взглянул на небо. А там часть неба была затянута облаками.

«Облака, – в это время года они были редкостью. – От моря сюда их притащило. Хорошо было бы, если бы сегодня ночью прошёл дождь. Пусть даже несильный».

Но он прекрасно понимал, что это было бы чудом. Весенние, шумные и обильные дожди, от которых зацветает чёрным вся степь, были уже давно. А до осенних ещё почти два месяца. Так что надеяться на дождь сегодня или завтра...

Они на этой позиции отстояли только семь дней... Это хорошо, что всю неделю было тихо. Люди освоились, осмотрелись. Осталось отбыть тут ещё двадцать три дня. И всё... Нет, не смена и не отход в тыл на отдых. А по-настоящему всё... Домой. В родную станицу со смешным названием Болотная. Вернее сказать, смешным для других, сам он, как и все его станичники, в этом имени ничего смешного не видели. Ну а что тут смешного, если станица стоит на краю Великого болота, оттого так и зовётся. С чего тут смеяться? В общем, домой к жене и детям. И ещё полгода службы за спиной. Хорошо бы и все оставшиеся двадцать три дня тут было бы так же тихо, как и предыдущую неделю.

Он снова смотрит на небо, на облака, и решает, что дождя точно не будет ни ночью, ни к утру.

[1] ИОТ – индивидуальная огневая точка.

Глава 2

А в полдень, ещё до обеда, из «сотни» пришёл приказ подготовить капонир для танка.

– Офигеть! – произнёс Каштенков, когда Саблин поделился с ним этой новостью. Произнёс с большущей долей негатива. Словно ждал чего-то очень нехорошего после этой новости. – Наши тут атаку планируют провести?

«Атаку?».

Всё дело было в том, что узел «десять шестьдесят один» был самым краем Ярцево-Майской оборонительной дуги. Отсюда до развалин Майского, где располагался штаб их Второго полка, было восемнадцать километров. По сути, сейчас взвод Саблина находился на самом западном конце обороны. Самый-самый правый её фланг. Западнее него располагались лишь несколько подвижных соединений степных казаков. Которые по задумке командования должны были с ним взаимодействовать. Но этих степняков урядник видел лишь единожды, на второй день после того, как принял позицию. Вот тогда и приехал к нему с тремя казаками охраны подсотенный Шестнадцатого казачьего полка по фамилии Ефрем. Такая была у него фамилия. Ну, во всяком случае, подсотенный так представлялся, да и подчинённые его так звали.

В общем, это была их единственная встреча за неделю. После неё степные казаки даже на радиосвязь с пластунами не выходили. Нет, оно понятно, скрытность для степных – дело естественное, там, в бесконечных барханах, радиомолчание – суть выживания, тем не менее Аким надеялся хоть какой-то контакт со своим правым флангом установить. На всякий-то случай. Слева, на юго-восток от его участка, в шести сотнях метров – «девятка», узел обороны «ноль девять шестьсот один». Там свои же братья из Второго полка, из его станицы казаки, с ними всё в порядке. Контакт налажен. И вот спрашивается, на кой чёрт ему сюда отцы атаманы перебрасывают броню?

– Может, линию выровнять хотят? Поближе к южным камням нас пересадить хотят? – продолжает гадать Саня. – Ты, командир, что на этот счёт думаешь?

Аким ему ничего не говорит, сидит, снова перечитывает в планшете радиста сообщение.

– Ну, Аким... – тербит его Каштенков. – Есть мысли?

Вот он всегда такой. Неймётся ему вечно, обязательно всё ему должно быть ясно и понятно, а если не так, то он себе места не найдёт, и так как командир молчит, Саня продолжает:

– Слушай, может, я пойду до Кузьмы дойду?

– То к чему?

– Ну... Спрошу, что он думает насчёт танка, – продолжает младший урядник. – Он человек-то бывалый, всякое видал, может, у него мысль какая есть.

– Утомись ты. Ты, что, всерьёз думаешь, нам танк прислали и с этим танком наш взвод в атаку отправят? – Саблин не разделяет опасений своего зама, хотя...

– А вдруг начальство решило...

– Саня! – Саблин наконец отрывается от планшета и отдаёт его радисту. – Успокойся. Тут сказано: принять танк, обеспечить скрытность. Под команду мне его не передают. Понял?

– Да понял, понял... А вдруг разведку боем затеять хотят? – не унимается Каштенков.

Он так и будет придумывать гипотезы, пока не узнает, зачем начальство присылает танк.

– Какая разведка боем, при такой их артиллерии?! И даже если соберутся командиры, так они не нас в атаку отправят, мы-то по-любому на позиции останемся, возможно, поддерживать атаку придётся; в случае неудачи поможем атакующим выйти из боя, забрать раненых. Так что не мельтеши раньше времени; для атаки, если она будет, сюда ещё взвод пришлют, а то и два. А пока никого, кроме танка, нет, и говорить про то нечего, – Аким, кажется, убеждает своего

заместителя. И чтобы занять его, продолжает: – В общем...Иди давай, посмотри место для капонира и отправь людей копать его.

– Может, за камнем? – нехотя соглашается Каштенков.

– Нет, мы там грузовики встречаем, я не хочу, чтобы китайцы вычислили грузовик и случайно заодно накрыли танк. Поищи место где-нибудь у малой гряды.

– Метров восемьсот отсюда... А не далеко? – сомневается Саня.

– Нормально, подальше поставишь, поближе возьмёшь. Там, за грядой, его точно дронам видно не будет.

– А кого взять-то капонир копать? – Каштенков всё ещё желает поговорить, вместо того чтобы заняться делом.

Тут уже Саблин начинает злиться, он смотрит на своего заместителя тяжёлым взглядом и говорит многозначительно:

– Саня, ты это... займись уже делом, а?

– Да всё, всё, пошёл...

Сашка собирается и уходит, а Аким, чуть посидев, решает, что Каштенков мыслит-то правильно и поговорить с Кузьмой Ключевым нужно. Да и по отделениям пройти, на казаков своих поглядеть.

Как они? И чтобы они командира не забывали.

Он встаёт, выливает на свою кольчугу, на плечи, на грудь и спину полкружки воды, и начинает надевать броню.

Взял свой дробовик, вышел с КП, накидывая шлем на голову, закрыл забрало, чтобы запустить и заодно проверить систему: всё ли в порядке? По мониторам привычно поползли буквы первичного анализа работы.

«Батарея – сто процентов». «Системы управления движением – нормально». «Сервера и приводы, – и поплыл по экрану весь список агрегатов один за другим, – нормально, нормально, нормально... Все работают нормально». «Камеры, все четыре, – нормально». «Микрофоны и связь...».

И тут мониторы на секунду погасли, а компьютер на мгновение заблокировал микрофоны, и он ощутил удар, вернее сильный толчок, ему даже пришлось опереться рукой на стенку траншеи. И на него посыпались комья грунта. И только после этого заработали камеры и микрофоны, и перед его глазами в густой серой пелене ещё летели куски грунта вперемешку с песком и пылью.

«Снаряд! Двести десять миллиметров! (Именуемый у казаков «чемоданом»). Жажнул так жажнул! – совсем рядом. Метров десять-пятнадцать от него. Он понял это и присел на дно траншеи. – Прицельно бьют... Неужели наши дрон прозевали?!».

После такой встряски он снова перезапустил проверку систем, хотя по темному самому правому монитору уже знал, что заднюю правую камеру нужно менять. Он нащупал её на шлеме и вытащил из паза... Нет, камера оказалась целой, просто на неё налип грунт. Саблин вставляет камеру на место и полусогнувшись идёт по траншее на НП.

Это место оборудовано для операторов РЭБ-станции Петра Каховского и молодого казака Андрея Володина. Володин лежал в соседнем помещении, была не его смена, но даже он сразу вскочил и пришёл на пост, когда там появился командир.

– Господин урядник, – докладывал Пётр почти официально, – расчёт РЭБ-станции производит контроль пространства. Старший расчёта казак Каховской.

– У них есть дрон в воздухе? – сразу, не ответив на приветствие, спрашивает Аким.

– Так точно, – Каховской указывает на белую точку на дисплее. – Вот он. Висит в этом квадрате с самого утра, – оператор обводит область на экране карандашом.

Урядник сомневается, что этот дрон единственный.

– И сколько до него?

– Одиннадцать километров, – сообщает Каховской.

«Одиннадцать километров...». На такой дистанции, конечно, ни одной ракетой, имеющейся в распоряжении его казаков, этот дрон не убрать.

– А как он меня в траншее разглядел?

Каховской и Володин переглядываются, и тут заговорил младший:

– Господин урядник, с такого угла он никак вас не мог увидеть в траншее. Траншеи-то у нас глубокие.

Это было так, траншеи тут и вправду отрыты хорошие. Но снаряд-то лёг очень близко, не будь у него закрыто забрало, так и контузию он мог получить.

Саблин молча смотрит на белую точку на экране.

– По мне сейчас был прилёт. Очень точно навели. Едва в траншею снаряд не залетел.

– Да нет... – операторы снова переглядываются, в их взглядах отчётливо читается сомнение, а старший Каховской качает головой: – Быть того не может. С этого дрона вас не могли заметить в траншее.

– Случайный, наверное, – предполагает Володин.

– Случайный, – повторяет Саблин, а потом добавляет: – На улицу выходите – забрала закрывайте даже в траншее.

– Есть закрывать забрала, – за обоих обещает Каховской.

Он идёт на самый дальний пост, на шестой. По ходу заглядывая на каждую огневую точку вне зависимости, есть там казак или нет. Смотрит, всё ли в порядке, не осыпались ли стены, проверяет обзор из неё; если есть кто из казаков, то перебрасывается с ним парой слов. Спросит о воде, потом о количестве прилётов, потом когда у казака конец караула. И обязательно добавляет, чтобы забрала держали закрытыми и на посту не курили.

Теперь ему кажется это важным. Да, на посту нельзя курить, нельзя открывать забрало. Но он знает, что никто его эти приказы выполнять не будет. Он и сам, будучи рядовым бойцом, на посту покурил.

Так урядник добирается до шестого блиндажа. И сразу замечает непорядок. Мятые пластиковые ящики из-под патронов, консервные банки, тряпки какие-то – и свалены прямо у входа в блиндаж. А там пылища! Сначала Аким подумал, что в накаты убежища ударил сверху снаряд. Но потом разобрался... Успокоился.

Кузьму Саблин знает с молодых лет, поэтому подчинённый приказной Клюев говорит со своим начальником по-простому:

– Вот, господин урядник, мы тут решили прибраться.

Теперь всё понятно, в блиндаже большая уборка. И, несмотря на пыль, урядник садится за стол, казаки прекращают пылить, а Клюев устраивается напротив, и тогда Аким ему говорит:

– Нам танк сюда пригонят.

– Да, мне уже Величко сказал.

– А он откуда знает? – удивляется Саблин.

– Так твой Сашка его с казаками погнал капонир копать. Он ко мне заскочил перед этим.

– Ну и что думаешь? – интересуется урядник.

Старый казак только усмехается:

– Тебе боеприпасов лишних много за последние дни передали?

Аким и сам об этом подумал в первую очередь. Он уже дважды писал подсотенному, что у него мало гранат для гранатомёта. Шесть выстрелов всего. Но с тех пор, как он принял участок, так ему ни разу ничего не привозили.

– Нет, боеприпасов не везут, – отвечает урядник.

– Ну а тогда чего волноваться? – говорит Клюев. – Даже если кто другой пойдёт в атаку, нам всё равно его придётся поддерживать, а у нас боекомплекта на один плотный бой. Какие тут, на хрен, атаки?

И конечно же, он прав. Какая может быть атака без боеприпасов?

Глава 3

Глава 3

Уже когда стемнело, приехал танк, а с ним ещё и машина обеспечения, тоже почти танк, здоровенная такая машина, с баком для топлива, ящиком для запасного боекомплекта, а ещё с агрегатом для эвакуации танка в случае поломки. А об этой МО его никто не предупредил, соответственно, для неё укрытия подготовлено не было.

– А что? Не могли они сразу сказать? – бурчал Сашка.

Тут Аким был с ним солидарен. Но толку от этой солидарности?

– Надо подготовить укрытие, – сказал урядник. – Сам понимаешь, сожгут эту хреновину китайцы, так я по шлему получу.

– Ну, до утра-то выкопает, – невесело обещал Каштенков и пошёл собирать казаков.

– Выкопай, – сказал ему урядник, а сам пошёл посмотреть прибывшую технику, а вернее, познакомиться с командиром танка.

Танк спрятан... ну... нормально. Сверху он был накрыт брезентом, присыпан песком. Танкисты уже осваиваются, копаются у себя там.

Сержант Васильев говорил с ним немного свысока. У танкистов это отличительная черта. Для них все, кто ходит пешком, как будто... на звание ниже, чем они сами. Ну понятно, танкисты песок не топчут. Технари. Белая кость.

Познакомились. Поначалу завели разговор о деле, о частотах для связи, о позывных, а потом танкист просил карты минных полей...

«На кой они ему?».

– Ты никак вперёд идти надумал? – на всякий случай поинтересовался Саблин.

– Ну, вдруг маневрировать придётся, – поясняет танкист.

Всё это не нравится Акиму:

– Так зачем вас сюда прислали?

Но этот Васильев ему толком ничего не говорит, не хочет, а может, и сам не знает и, посмеиваясь, просто нагоняет секретности:

– Твоё дело, казак, обеспечить мне капониры и прикрытие, а если до дела дойдёт, то и целеуказание.

– И всё? – невольно спрашивает Саблин.

– Ну, ещё обеспечить экипажу нашего геройского танка, а также экипажу машины обеспечения помывку, – смеётся в темноте танкист.

– Это... – тут Аким припоминает сержанту его снисходительный тон. – Не получится.

– Как не получится? – удивляется Васильев. – А мне сказали, что у вас тут помывочная есть.

– Помывочная, может и есть, а лишней воды и лишних фильтров – нет. Так что вы как-нибудь так... Без помывки.

– А-а... – танкист смеётся. – Вот ты как, значит... А я думал, ты мне помыться дашь, а завтра покажешь позиции, покажешь, где мины у вас, где китайцы сидят, ориентиры дашь...

Не нравится Акиму этот танкист.

– Завтра приходи, всё покажу, – обещает Саблин и собирается прощаться.

– погоди, – вдруг говорит Васильев и лезет вниз, к танку, скрывается под брезентом. И почти сразу появляется обратно. – Казак, у тебя дети есть?

– Есть, – отвечает нехотя Саблин: «К чему это он про детей затеял?».

– Держи, – говорит танкист и протягивает уряднику что-то... Увесистое. Холодное.

Аким включает фонарь на шлеме – тут, за камнями, можно, китайцы не увидят – включает, чтобы рассмотреть, что ему дал Васильев.

Это упаковка с джемами. Четыре банки по сто граммов. Аким читает через тонкий пластик: «Апельсиновый», «Лимонный», «Гранатовый», «Персиковый». Упаковка красивая, все джемы разноцветные. Саблин сразу вспомнил про своих детей.

«Ну, может, старшего этим не сильно удивишь... Но даже он попробовать не откажется».

– И где же вы такие деликатесы берёте? Или вам, танкистам, выдают такое? – интересуется казак.

– Если бы... – отвечает танкист. – Это мы на той неделе одного полковника выручили крепко, вот он и расщедрился на ящик.

– Ладно, – говорит Аким, привычным жестом закидывая в ранец упаковку с джемами. – У меня заместитель... Он вам капонир делал...

– Это который Александр, – догадывается танкист.

– Вот у него спросишь, он скажет, куда мыться приходиться.

Саблин пошёл к себе и встретил Каштенкова, он во главе шести казаков, что несли с собой большие лопаты, шёл ему навстречу.

– Саня, там танкисты помыться хотят, покажи им, что у нас где.

– Я? – удивляется Сашка.

– А кто? – отвечает ему Аким. И больше не говоря ни слова, идёт дальше. Идёт и смеётся тихонько.

Этим своим «Я?», удивлённым и даже немного возмущённым, Саня его, конечно, повеселил. А всё потому, что перед новой полугодовой командировкой Каштенков ходил к нему, приносил выпивку и отличное, копчённое на солнце сало, нашпигованное чесноком, и всё упрашивал Акима взять его к себе на должность замкомвзвода.

«Ну вот и получил то, что хотел», – думал Саблин, укладываясь спать. А ещё он думал о том, что до конца его нынешнего призыва осталось всего двадцать два дня.

После завтрака пришёл к нему Васильев.

– Ну что, карты покажешь? – опять он говорил так, как будто на два звания старше урядника.

И пока Аким думал, что ему ответить, танкист пояснил:

– Урядник, ты сам пойми, справа от тебя сплошной песок, мне с моим весом в барханы заезжать нет никакого резона, я там буду вязнуть в каждой песчаной куче, а если нет скорости, то всё – я мишень. Так что если придётся двигаться, то я пойду вперёд по твёрдому, через тебя, и, ясное дело, заеду на твои мины.

Простые противопехотные мины для танка – ни о чём, но, кроме противопехотных, предшественник Акима заложил ещё и восемь хороших фугасов на критических направлениях. Даже танку на таком фугасе придёт конец. А ещё танк, если вдруг начнёт выезжать, подорвёт и противопехотные мины. А они – весомая часть его обороны, вещи почти дефицитные, которых всегда не хватает.

– Понял я, понял... – наконец соглашается Саблин и достаёт из пластиковой коробки тонкие миллиметровки.

Танкист садится к нему поближе, и они вдвоём смотрят нарисованные от руки карты.

– Фугас? – тычет пальцем в карту Васильев.

– Да, – отвечает Саблин.

– Это, это... всё они... – сержант внимательно изучает карты. – А это что за крест?

Он, конечно, не очень нравится казаку, но сразу видно по его отношению к делу, что человек он серьёзный.

– Это бот-разведчик, – отвечает Саблин, – его в прошлую смену наши засекли и разбили, теперь его песком присыпало, а мы всё думаем, как до него добраться.

– Ясно... Ты мне тогда хотя бы карту с фугасами сделай, – говорит сержант. И сказано это так, что и понять нельзя, просьба это или приказ. И Аким отвечает ему после паузы:

– Хорошо.

Потом они пошли по траншеям, Саблин выводил Васильева на ИОТы и оттуда показывал позиции противника:

– Вон за теми кактусами у них первая траншея. Вон, видишь?

– Ага.

– А вон у тех... у того холмика с колючкой, у них пулемётная позиция удобная.

– Возвышенность... – замечает танкист.

– Да... – подтверждает Саблин и тянет танкиста за локоть. – Ты долго так над бруствером не торчи, у них снайперов хватает.

После они идут дальше. На шестой узел. Танкист хочет посмотреть место, где начинается песок.

– А тут у тебя мин куча... – вспоминает карту Васильев, глядя в сторону песчаных холмов.

– Да, тут всё в минах, это же мой фланг, дальше никого нет, – отвечает урядник, – шесть сотен мин, на километр тянутся, но тут уже песок, тут много мин засыпано. Так что...

Они обошли все его траншеи, и сержант внимательно оглядел позиции противника и спросил:

– А позиции гранатомёта у них где?

– Везде, – отвечал Саблин, – они тут накопили кучу ИОТов, и эти точки у них большие, в любую могут притащить пусковой стол.

Нагулявшись по позициям, они вернулись в командирскую к Саблину и сели обедать.

И снова уряднику не нравился сержант Васильев. Тот рассказывал о своих героических делах, и весь его рассказ был таков: «казачки погибают, помощи просят, мы приезжали – всё решили». Или: «пару взводов китайцы отрезали, нам ночью вводные дали, мы приехали, понятное дело, всё порешали». Нет, ну кто же спорит, танк с опытным экипажем – сила большая, но всё равно, этот трёп сержанта был похож на детское бахвальство.

А после того как сержант ушёл, пришёл злой Каштенков.

– Эти танкисты достали.

– Чего?

– Да приехали, блин, сюда, ничего своего: воду им дай, жратву им дай, помыться дай, капоныры выкопай. Мы, блин, не пластуны, а обслуга танка какая-то... Опять один приходит, радиogramму ему нужно в батальон дать. А я бегаю у них на посылках... Батарей сажаю. Как ординарец какой!

– Ещё и карту им нарисуй, – добавляет Саблин.

– Какую ещё карту? – настораживается Сашка.

– Сержант их просил карту минных полей, ну, я ему пообещал, что карту с фугасами дам.

– Так они всё-таки атаку затевают? – Саблин ждал, что Каштенков сейчас добавит: «я так и знал». Или: «ну что я тебе говорил?».

Но ничего подобного он не говорит, а лишь смотрит на своего командира, ожидая от того рассказа, но вот Аким рассказывать-то особо нечего.

– Да не знаю я.

– Так ты с ним всё утро по позициям гулял, – не отстаёт Каштенков.

– И ничего он мне про атаку не сказал, – говорит урядник и заканчивает разговор: – Сань, ты нарисуй ему карту, а то он угробит свой танк и на нас свалит, что мы ему не дали карту минных полей.

Сашка, конечно, недоволен, но он всегда недоволен, когда нужно что-то делать.

А в общем этот день был на удивление спокойным, после обеда на его позицию не прилетело ни одного снаряда. Он так в рапорте для подсотенного и написал: «После часа дня противник прекратил артиллерийский огонь».

Когда начало темнеть, пулемётчик китайцев дал пару очередей в сторону четвёртого узла, и всё. Даже Каховской на вечернем рапорте сообщил ему, что после пяти часов вечера в небе не было ни одного дрона противника.

«Вот и дальше бы так».

Саблин после ужина пошёл мыться, а потом вернулся к себе, закинул в рот пару витаминов, запил их водой и лёг. Прежде чем заснуть, он успел подумать, что до конца командировки остался всего двадцать один день. Три недели. А ещё через двадцать дней можно будет тихонечку начинать таскать оставшийся провиант и снаряжение за камни. К месту погрузки. И начинать считать боеприпасы для передачи их сменщикам.

После завтрака он получил из «сотни» шифровку, в которой подсотенный ему, мягко говоря, просто советовал найти два ящика этих проклятых мин.

От этого у него испортилось настроение, он снова достал карты укладки мин и минут пятнадцать разглядывал их. Решить этот вопрос... Ничего не было проще. Просто на карте самых западных его позиций, там, где начинались пески, дорисовать дюжину точек и в рапорте указать, что мины установлены, всё, вопрос решён. Но он всё думал о том, что эти проклятые мины могут быть установлены где-то в другом месте и не указаны на картах. Нет, он не стал так делать, спрятал карты и закурил. А минут через десять прибежал Сашка, плюхнулся на лавку всем немалым весом человека, запакованного в тяжёлый доспех, и сообщил почти радостно:

– Танк уехал!

– Уехал? – искренне удивился Саблин. Он сразу позабыл про свои мины. – Куда?

– На север, – сообщил Каштенков. – И машина обеспечения с ним.

– Офигеть, – только и смог произнести урядник. Но потом добавил немного удивлённо: – А этот сержант даже не попрощался.

На войне это обычное дело: стараешься, стараешься, готовишься к чему-то, копаешь капониры, оператор РЭБ готовит для машины защиту, радист выделяет дополнительные частоты для связи, да ещё и дублирующие каналы, карты фугасов для экипажа подготовишь, а на следующее утро танк раз – и уехал! И этот сержант Васильев на прощание даже рукой не помахал. Только и остались от него две больших ямы у гряды, которые через неделю будет уже и не найти, да ещё упаковка офицерского джема. Четыре банки.

Саблин сделал запрос в «сотню»: чего это «объект» отбыл? А дежурный офицер ему ответил по-военному лаконично: «Передислоцирован».

И, как говорится, ни убавить, не прибавить.

«Хорошо, что у меня есть заместитель, что не самому приходилось гонять казаков на рытьё капониров».

Теперь они ему этот неожиданный отъезд танка и машины обеспечения припомнят. Копали, две ночи копали – и что? К чему?

Саблин, разглядывая упаковку с джемом, опять тихонечко посмеивается: теперь эти вопросы станичники будут задавать Сашке. Ну, а как он хотел начальством быть?

В этот день всего два снаряда упало на его позицию, а дрон был замечен только один раз за день, да и то болтался где-то возле песков, висел один час и ушёл. НОАКовцы что-то совсем попричихали.

После совещания и рапорта руководству, когда ложился спать, урядник снова посчитал дни:

«Осталось двадцать дней... И домой!».

Глава 4

Это ни с чем не перепутать. Его узкая кровать ушла вниз, а потом чуть поддала снизу, встряхнула его. Удар серьёзный, и на лицо посыпалась с потолка мелкая бетонная крошка с песком. Урядник сразу сел. Это было очень чёткое попадание. Прямо в крышу его КП.

– Милевич! Каштенков! – орёт Аким и замирает, чтобы услышать ответ, но никто не отвечает, ни зама, ни дежурного в соседнем помещении нет.

И снова удар, и снова точный, тяжёлый двухсотмиллиметровый снаряд бьёт прямо в накаты блиндажа. На сей раз на посту дежурного что-то громко треснуло и загремело, опять посыпалось с потолка, к нему в командирскую врываются новые клубы пыли, а ещё ударом разбило бак, слышен звук булькающей и льющейся на пол воды.

У нормального казака-пластуна в такой ситуации первым делом появится мысль: быстрее в костюм, под шлем и панцирь, в свою персональную броню. Но у командира, у ответственного офицера, немного другие мысли: документы. Где документы – карты позиций с выверенными углами огня, карты минных полей, список позывных и паролей для офицерского планшета, шифровальные коды, коды команд и прочие, и прочие драгоценные для офицера вещи?

Один взгляд... Всё на месте.

С этим у него порядок, небольшая коробка-сейф из крепкого пластика закрыта и стоит прямо на столе рядом с его кроватью. Шифр от кодового замка он помнит наизусть. Вот только теперь он думает о своей броне, что висит на стене на специальной вешалке и частично сложена в ящик рядом с кроватью.

Саблин уже у вешалки, корпус-панцирь, хоть и тяжёлый, взлетает и оказывается на нём за одну секунду... И сразу захлопывается, щёлкают замки на боках. Тут же он надевает шлем... Один кивок головы назад, и шлем сразу подключается к основной батарее... После мягко, плавно включаются мониторы, вспыхивают индикаторы. Щёлкнула рация: работает на приём, но помещение КП экранировано, так что приёмник не находит ничего, кроме едва уловимых шумов.

Урядник уже вставлял левое «плечо» в паз панциря, когда прилетает очередной снаряд...

И снова точно в крышу КП. На сей раз из комнаты дежурного в командирскую влетает целая туча песка и... Гаснет весь свет.

К тихому урчанию генератора человек со временем привыкает так, что почти не замечает его, а вот когда он перестаёт работать, отсутствие обыденного, как естественный фон урчания, становится сразу заметным. Тишина, и лишь сыпется бетонная крошка с потолка. А через пару секунд начинаю снова вспыхивать лампы, заработали аварийные аккумуляторы.

А Саблин торопится:

«Как бы не завалило тут, иметь его маму...».

Он запускает сканирование систем и привычными быстрыми, почти рефлекторными движениями крепит поножи. И подключает их к корпусу, и тут же компьютер находит и опознает:

«...основной блок сервомоторов «правое бедро» – отсутствует», – компьютер быстро тестирует присоединённую систему и тут же находит нужный узел.

«...основной блок сервомоторов «правое бедро» – нормально».

«...основной блок сервомоторов «левое бедро» – нормально».

«...блок приводов правого и левого бедра... – пара секунд... – нормально».

Саблин уже надевает голени. И очень торопится.

«...блок серверы левой голени... – нормально».

«...приводы левой голени... – нормально».

Правая голень... Урядник старается делать всё как можно быстрее: лишь бы не прилетел снаряд до того, как он будет готов.

Теперь боты: на них он тратит по секунде, в них лишь ногу сунуть, и замки срабатывают сами.

«... правый бот, левый бот... в норме, в норме». Компьютер всё зафиксировал, и теперь на левом мониторе всплывает надпись, на которую он редко обращает внимание:

«При необходимости возможна герметичность. Кислородный баллон – сто процентов».

Но пока в этом нет необходимости, теперь вентиляторы и компрессор работают на полную, и в шлем поступает чистый и даже не горячий воздух.

Снаряды больше не прилетают, но это ровным счётом ничего не значит. Он хватает с вешалки пояс-патронташ с офицерским пистолетом, накидывает пыльник, берёт свой потёртый от времени дробовик, на ходу захватывает сейф с документами со стола и у двери – свой ранец.

Урядник выходит из своего КП ровно тогда, когда в командный пункт прилетает очередной снаряд, и, хоть и ослабшая, взрывная волна вместе с песком и ломаным бетоном выталкивает его в траншею.

Он чуть заваливается на стенку, его присыпает грунтом, но тут же в наушниках урядник слышит голоса: крики, вопросы, приказы. Говорит сразу несколько людей, и во всей этой многоголосице он разбирает главную фразу: где командир?

И даже не поднявшись ещё со дна траншеи, он сразу, выкрутив микрофон, произносит ясно и чётко:

– Командир здесь! – и, конечно, половина голосов в эфире утихла. И он продолжает всё с той же так необходимой сейчас твёрдостью в голосе: – Всем соблюдать молчание, я иду от КП в сторону третьего узла, приказные – ко мне, радист – ко мне, заместитель – ко мне, дежурные на узлах – рапорты по ситуации, начинаем со второго номера... Второй узел, слышите меня?

– Так точно, дежурный казак Емелин. По узлу вёлся огонь, артиллерия, пять-шесть снарядов, били точно, но потерь нет...

– Принял, – говорит урядник, и продолжает: – Третий узел...

– Третий узел, дежурный казак Фоменко, у нас всё в порядке, сбили дрон противника.

И тут над траншеей, как раз на пути его следования, рвётся очередной снаряд. Он снова валится на дно окопа, и на него сыплются большие и маленькие комья сухого грунта. Но это не отрывает его от приёма рапортов.

– Четвёртый – принял; пятый, что у вас?

Пока он дошёл до третьего узла, который по сути находился в центре вверенного ему участка, все узлы отчитались... Кроме шестого узла и узла РЭБ.

– Шестой узел? Есть кто? Отвечайте, – требовал командир, но никто ему не ответил. У блиндажа третьего узла его уже ждали и радист Милевич со своей станцией за плечами, и приказные Величко и Самохин.

– Ну, что у вас? – спрашивает урядник, переходя на «близкую» связь, на СПВ,[1] – это чтобы подчинённые не слышали, о чём говорят командиры и противник не фиксировал место излучения электромагнитных волн. И первым ему отвечает приказной Самохин:

– Кладут плотно так, навскидку... Они нам за пятнадцать минут штук семьдесят уже накидали.

– Да, – подтверждает его слова приказной Величко, – прилетает с юга, по вспышкам засекал, километров, может, десять отсюда... И они точно семьдесят штук уже кинули.

– Семьдесят? – переспрашивает Аким. – Значит, работают три орудия минимум, – а потом интересуется. – А потери?

– У меня один, – отвечает Самохин. – Контузия. Ничего... Отдышится.

– У меня тоже один, – говорит Величко.

– Тяжёлый?

– Да нет... Помяло, когда блиндаж обвалился. А он был без брони. Сейчас её откапывает... Жить будет...

Снова прилетают снаряды. Два разрыва, один за другим, где-то в районе второго узла. Саблин не успел задать следующий вопрос, а Величко ему и говорит:

– Узел РЭБ завалило. Я отправил казаков раскапывать.

– РЭБ? – Аким напрягся. Эта новость пока что была самой неприятной.

– Ну да, они по нему сразу накидали штук десять, или больше.

– Вычислили, значит, наш РЭБ, – говорит Самохин.

– Они тут всё вычислили, – холодно говорит Саблин, вспомнив, как точно артиллеристы противника укладывали снаряды в его КП.

И теперь главным для них для всех был вопрос: работают ли узлы РЭБ на позициях или нет?

– Величко, – Саблин принимает решение, – давай разберись с РЭБом, работает он, нет? Откопай их блиндаж... Короче, выясни всё.

– Есть.

– Самохин, – продолжает Аким, – возьми казаков и добеги до шестого узла. Узнай, отчего Ключев на связь не выходит.

– Понял.

«Есть»... «Понял»... Если поначалу, когда он вывалился из своего блиндажа в центре позиции, Саблин немного волновался от непонимания того, что происходит, то теперь эти обычные слова от проверенных и закалённых бойцов вернули Аким в его обычное боевое состояние, состояние холодного напряжения. И сейчас к нему начало приходить понимание того, что происходит вокруг.

И на разорвавшийся совсем недалеко снаряд он уже не обратил внимания.

– Радист!

– Я! – отвечал ему второй связист Милевич.

– Ты в «сотню» что-нибудь писал?

– Писал, что по нашей позиции ведут огонь.

– Что ответили?

– Спросили, где урядник.

– Пиши, – приказывает Саблин. – «По позиции «десять шестьдесят один» противник ведёт интенсивный огонь, выпущено около ста снарядов, плотность огня высокая, огонь ведут три орудия, их дислокация, ориентировочно: десять километров, юг – ровно. Мною уничтожен дрон противника. Потери: двое легко раненых, потери оборудования – выясняю, – и теперь он решил написать главное: – Ожидаю атаки. И подпись: Начальник оборонительного узла «десять шестьдесят один». Позывной «Тридцать первый».

Он только закончил диктовать, а связист уже протягивает ему планшет: подписывай. Саблин, стянув перчатку, быстро набирает свой персональный командирский код. И сообщение тут же уходит, а он уже снова просит связиста:

– «Девятку» вызывай.

– Есть, – отвечает казак Милевич. И пока он копается в настройках, у всех казаков в наушниках слышится сиплый и злой голос:

– Казак Сапожников, четвёртый узел... Атака! «Крабы»! Повторяю, четвёртый – «крабы».

Молодой казак Милевич, по сути ещё не бывавший в серьёзных делах, до этого выполнял все команды Саблина быстро и с толком, а тут вдруг завис, замер. Урядник, конечно, его лица не видит, но знает, что на экране связиста, там, под забралом, – грубые формы шлема командира, ночь, насыщенный после разрывов пылью воздух, от которого быстро загрязняются камеры, а в голове у этого парня звенят произнесённые в эфир его однополчанином последние слова: «четвёртый узел атакован». Саблин несильно толкает его в локоть:

– Ну, заснул, что ли?

– А, нет, – сразу востепенел радист. – Просто «атака», я думал...
– Не думай, это не для тебя, для тебя – выйти на связь с «девяткой». Понял? Давай!
– Есть связь с «девяткой», – через несколько секунд сообщает радист. – Что писать?
– Пиши. «Я веду бой под плотным огнём, есть раненые, кажется, разбили РЭБ, пошли «крабы». Поддержи огнём. Подпись: «Тридцать первый».

Радист протягивает ему планшет, и сообщение уходит. И чтобы не ждать, он приказывает дальше:

– Выходи на волну степняков, – позывной подсотенного Ефрема, подразделения которого должны были прикрывать Акиму правый фланг, был номер «семь». – Давай седьмого.

– Сообщение от соседей, с «девятки», – произносит радист.

Теперь здесь, у третьего узла, становятся слышны выстрелы. Пока винтовочный стрёкот, значит, «крабы» ещё не подошли на выстрел дробовика. Но урядник на это внимания не обращает.

– Что там с «девятки» пришло? Читай.

– «Вижу, слышу, – зачитывает радист, – поддержку огнём, готовлю группу для помощи. Сообщи, если понадобится. В случае необходимости переходи на открытый канал. Жду. Шестнадцатый».

«Ну вот, от такого сообщения стало полегче».

А радист снова говорит:

– Сообщение от «седьмого».

– Давай.

– «Про вас знаю, веду бой с превосходящими силами, обходитесь пока без меня. «Седьмой». Китайцы степняков промять пытаются? – догадывается радист.

Хорошо, что он не говорит о том, что, промяв степных, НОАКовцы по барханам могут выйти во фланг и тыл их десятому узлу. Там, справа, самые плотные минные поля, но часть мин засыпана песком. А ещё самый крайний узел его обороны, шестой, не отвечает, не выходит на связь. Аким очень хочет знать, что там у Ключева, что со старым казаком, но торопить Самохина не желает. В общем, на данный момент степняки связаны боем, Ключев не отвечает, что с правым флангом – непонятно, и нужно ждать рапорта от Самохина.

– Держись в десяти шагах позади меня, – приказывает Аким молодому радисту, – подготовь открытый канал.

И тут до него доносится неприятный, почти звенящий хлопок.

Таннн...

И свист, а или жужжание осколков. Некоторые большие осколки летят с неприятным, басовитым, рвущим воздух звуком:

Выжжж...

А сам хлопок резкий, очень звонкий. Наушники берегут его уши, автоматически уменьшают звук, но всё равно выходит звонко. Мина сто двадцать миллиметров. Конечно, это не 210-миллиметровый «чемодан», блиндаж, к примеру, минами не разобрать, но их будут сыпать без перерыва. И они тоже опасны. Эти штуки сделаны из самого плохого железа, хрупкого и ломкого, и шрапнель в них увесистая. Если мина бьёт рядом, осколки ломают броню, а человек даже в доспехе запросто получает контузию. И вот ими будут теперь засыпать его позиции как песком. Без конца. Мины дешёвые. И сразу прилетает вторая мина, с небольшим перелётом.

– Радист, уходим, – командует урядник, – быстрее...

Он задирает камеры вверх, шарит в ночной темноте, но не находит дрон. Пыль стоит над позицией. А ещё темно. А эта хрень почти не оставляет теплового следа, тем более она может висеть в паре километров прямо над самой головой. Там её и без пыли ночью не увидеть.

А это значит... А значит, РЭБ станция её не глушит.

– Радист, – командует Саблин, не останавливаясь. – Вызывай «сотню». Сотнику пиши.

- Готово!
- Пиши от себя, – уряднику некогда подтверждать сообщение своей подписью, – пиши, что китайцы подтащили миномёты. Бьют по позиции. Мин не жалеют.
- Есть!
- Отправляй и догоняй, – Саблин идёт на четвёртый узел.

[1] Связь прямой видимости.

Глава 5-6

А винтовочный огонь усилился. Теперь треск шёл по всей линии вокруг четвёртого узла. Четверо казаков энергично расстреливали патроны в темноту и пыль, умудряясь находить там небольшие и подвижные цели. Урядник взобрался на ступеньку, выглянул за бруствер в пыльную муть. Посмотрел, как написано было в его картах, в «организованное боевое предполье»... Стал вглядываться, искать камерами в пыли передвижные механизмы, несущие в его сторону запас взрывчатки... Стал прикидывать, далеко ли они прошли и скоро ли забегут в первые полосы минных полей. И...

Пум...

Донеслось до микрофонов на шлеме Саблина. Вдалеке полыхнул и тут же угас в ночи кроткий и быстрый всполох, осветив на мгновение облако пыли. «МПП-44». Самая простая из всех мин, работающая на контакт и вибрацию. Значит, первый робот, несмотря на плотный винтовочный огонь, добежал до первой линии мин. Саблин стал настраивать камеры и наконец начал различать за пылью быстрые механизмы, что ползли к его позициям. Метрах в двухсот от него, ловко перебирая своими «лапами», перескакивал через камни «краб». И чуть левее ещё один, а за ним ещё... Беглого взгляда ему хватило, чтобы насчитать десяток подвижных мин. Все они бежали и бежали в сторону траншей. Ничего другого он увидеть не мог, механизм работал согласно заданной программе, двигался в заданном направлении, находил цель и срабатывал. Конечно, запуская их, НОАКовцы понимали, что добегут далеко не все, а может, и ни один механизм не добежит, но одну из своих задач «крабы» всё равно выполняют.

Пумм...

Ещё один короткий всполох в ночи. Очередной «краб» добегает до очередной мины. А китайский офицер с той стороны уточняет на своём планшете контур минных полей перед позицией противника.

Но и это ещё не самое страшное. Урядник, не оборачиваясь, отдаёт приказ Милевичу, который теперь следует за ним повсюду:

– Радист, двадцать шагов назад.

Он специально говорит это в общий канал связи, чтобы все казаки, уже ведущие бой, знали, что командир рядом.

– Есть двадцать шагов назад, – сразу откликается радист и уходит по ходу сообщения подальше от передовой траншеи.

И почти сразу прилетает первая мина, рвётся с этим своим неприятным звуком, не долетев до позиций казаков, что расстреливали «крабов», метров десять. Те перестают стрелять.

«Первый недолёт... А сейчас прилетит десяток».

Казаки в его взводе опытные, он не видит их, но и так знает, что они сейчас присаживаются на дно траншеи и, скорее всего, снаряжают оружие.

И тут на этот участок одна за другой, с интервалом в десять секунд, начинают падать мины.

Танн... Танн... Танн...

Хоть время по ним засекай. Десять секунд – прилёт, десять секунд... и ещё одна рвётся совсем рядом, почти над головой. А следующая влетает уже к нему и бьёт в стену траншеи в десяти метрах от него, засыпая урядника комьями грунта и песка. А кроме комьев и песка, он получает ещё два осколка. Небольшой прилетел чуть выше «локтя», а вот второй, увесистый такой, сильно ударил его в поножи.

«Только бы не в привод бедра».

Он внимательно следит за сообщениями на мониторе: нет, про выход из строя узлов движения ничего нет. Впрочем, это ещё ничего не значит. Он потом проверит, когда переждёт налёт. А мины всё прилетают и прилетают:

Танн... Танн...

Крупный осколок пролетел вдоль траншеи, кажется, в сантиметрах от микрофонов шлема: фрррррр... И снова...

Танн... Таанн...

Пыль не успевала оседать. Сплошная серая пелена. Аким дважды протирал камеры и считал разрывы... Он думал, что на этот участок обороны упадёт десяток мин... Нет, на это раз всё было всерьёз. Саблин насчитал двадцать два разрыва, прежде чем мины перестали прилетать на передовую траншею четвертого узла.

– Все живы? – спрашивает Аким, вставая и проверяя привод на правой «ноге».

– Казак Уманович, – с видимым трудом отвечает его боец, – ранен.

– Что с тобой?

– Бок, кирасу преломило, осколком... кажется... – глубоко дыша, отвечает Уманович.

– Кровотечение?

– Есть мальчика...

– Ельнин, – сразу вызывает Саблин казака, который служит в том же отделении, что и Уманович. – Ты цел?

– Так точно, – отвечает казак; он уже всё понял и добавляет: – Уже иду к Умановичу. Отведу его к санитару.

И тут, после почти стихших шумов, один казак хрипло говорит, вернее, почти кричит, словно напоминает братьям, словно упрекает их в их спокойствии:

– «Крабы!» Близко уже... – не сразу Аким узнаёт по голосу обычно уравновешенного казака Сапожникова.

Нужно успокоить всех, и урядник отвечает казаку через общий канал:

– Вижу я, работай спокойно...

Он взбирается повыше, выглядывает из окопа и почти сразу через матрицу ПНВ видит серую картину, в которой два механизма, переваливаясь на комьях вырванного гранта, буксуя в оседающей пыли, сваливаясь в ямки, тем не менее ползут в его сторону. А один прямо на него. Барахтаются на неровной после мин и снарядов поверхности, но движутся, с непреклонной волей, присущей машине. Старые «крабы» были намного больше этих. Раза в полтора точно. В тех было больше взрывчатки. Но они были, что ли, «потупее» нынешних, да и попасть в старых труда не составляло. А эти были заметно мельче, но зато они стали проворнее. Они даже научились прятаться в ямках или за камнями, замирать там, выглядывая наружу, оценивая ситуацию, научились менять направление движения.

«Раз, два... Вон ещё один... Три... И ещё два...».

Пять штук. Бегут, перебирая своими паучьими лапами, вперёд, стараются. Прошли, значит, минные поля. Проскользнули между мин. И теперь торопятся найти свою цель. Времени у них немного. Аккумуляторы-то махонькие. Поэтому и спешат к траншеям...

А туда их никак нельзя допускать. Там механизм притаится и замрёт, почти невидимый среди комьев грунта, и будет ждать приближения человека. А если тот не будет приближаться, так он снова начнёт двигаться, потихонечку, короткими перебежками, чтобы не быть обнаруженным, и так будет таскаться по дну окопа, пока не найдёт кого-нибудь, кому можно будет вцепиться своими «лапками» в голень, или просто не взорвётся под ногой. В них всего двести граммов взрывчатки, но этого вполне хватит, чтобы искорёжить приводы на «ноге» даже самой тяжёлой брони. А также изувечить и саму ногу. Ногу человека.

Нет, их нельзя допускать до траншей. Саблин поднимает дробовик, одновременно переводя предохранитель в положение «огонь». Упирает в плечо и сразу стреляет. И промахивается... Картечины поднимают пыль рядом с опасным механизмом.

«Давно не стрелял».

Это он так себя оправдывает. На дистанции тридцать метров он не должен был промахнуться в «краба», который подзавяз в пыли. Вторым выстрелом он разбивает подвижную мину, только паучьи ноги разлетаются в разные стороны. Он снова целится, и ещё один «краб», не детонируя, разлетается на куски. Он поводит стволом в сторону в поиске следующей цели... И видит, что за теми пятью, что он насчитал, на него ползёт ещё десяток передвижных мин... Если не больше. А у него в дробовике всего два патрона, и придётся перезаряжать...

– Милевич! – сразу говорит Саблин, разбивая выстрелом ещё один механизм.

– Тут, господин урядник, – мгновенно отзывается связист.

– Иди постреляй чуть-чуть.

– Есть.

И пока радист подбегает, Саблин снова стреляет, на этот раз уже прицеливаясь... И опять промахивается. Картечь разносит грунт прямо под механизмом и даже откидывает его чуть назад, но он тут же устремляется вперёд, ведомый программой и сенсорами.

«Да твою же мать! Хорошо, что молодой казак ещё далеко, не видел!».

Следующим выстрелом он всё-таки достаёт ближайшего «краба», и тот детонирует. На мониторах в шлеме Акима приглушённый компьютером взрыв превращается в белую вспышку, разливающуюся медленным пятном, а пока мониторы восстанавливают изображение, он присаживается и начинает привычными движениями быстро снаряжать своё оружие. Берёт только патроны с картечью и ловко, почти мгновенно, загоняет их в дробовик. Один в ствол, четыре в магазин. Передёрнуть затвор, и всё – оружие готово для стрельбы. Он уже снова выцеливал, когда рядом затарахтела «тэшка» радиста...

Та-та... Та-та... Та-та...

Один из крабов подорвался на mine, а остальных они довольно бодро разнесли на запчасти. Оказалось, что молодой радист стреляет вполне себе... И, словно обидевшись на то, что ни один из их механизмов не достиг цели, НОАКовцы снова накрывают их позиции минами.

Милевич присел недалеко от командира, метрах в десяти, и меняет в винтовке магазины, делает это демонстративно, словно хочет показать Саблину, что вовсе не боится близких разрывов.

– Милевич, – окликает его Саблин. – Так близко сидеть не нужно, накроет одной миной сразу двоих. Уходи отсюда...

– Есть, – сказал радист.

Едва Саблин отдал этот приказ, как ему в шлем прилетает здоровенный ком сухого грунта. И Саблин жалеет, что сейчас он не пользуется тем, что столько раз спасало его раньше. Он давно уже не брал в руки свой щит. А он сейчас был бы кстати. Аким уже собирается и сам уйти из передовой траншеи в узкий ход сообщения – вероятность, что мина залетит туда, всё-таки понижее – и в это мгновение почти на то место, где сидел радист... прилетает мина.

Его взрывной волной опрокидывает на бок... И сразу в ушах повисает противная, как будто звенящая тишина. А по его броне барабанят комья грунта. Система перезагрузилась, и программа тут же погнала на монитор список узлов и агрегатов костюма. Саблин мог бы остановить текст, но он хотел знать, есть ли повреждения в броне. Заодно приходил в себя, вспоминая старую казацкую байку о том, что снаряды и мины дважды в одно место не прилетают.

Глава 6

Снова его забросало грунтом.

«Зараза, ну не может быть, чтобы так точно клали без коптера!».

Мины прилетают и прилетают, и ему кажется, что все они летят именно сюда, на четвёртый узел, и рвутся рядом с ним, хотя, конечно, это не так. Аким уже думает, что ему тоже нужно уйти подальше от переднего края, затаиться там, в узком ходе сообщения.

Тут, тем более без щита, даже в своём доспехе он чувствует себя почти беззащитным. Но он ещё не знает, что это всё – только начало тяжёлого утра. И вот оно начинается по-настоящему.

– Это казак Антонов, я ранен.

Антонов говорит в общий эфир. На это должен в первую очередь откликнуться взводный медик Тищенко. Но о нём ничего не слышно, он числился в отделении Ключева, а что с ним, Саблин всё ещё не знал. Поэтому спросил у казака сам:

– Ты на четвёртом?

– Да... Тут... Рядом с вами, – отвечает раненый, кряхтя и переводя дух.

– Ельнин, ты если Умановича отвел, приходи за Антоновым.

– Иду, – отвечает Ельнин.

А Аким думает, что на четвёртом узле остался только он, и продолжает:

– Связист, подготовь запрос в «сотню», пусть «медичку» высылают, и напиши, чтобы медиков прислали. Мы без медика.

– Готовлю, подписать надо.

– Иду.

Он не успевает сделать и пяти шагов, когда рядом с ним снова разрывается мина. В окоп не залетела, но ударила так близко над головой, что от взрывной волны снова стал перезагружаться компьютер. Саблин присел, тихо матерясь и надеясь, что ударом не снесло камеры или микрофоны со шлема. И как только загорелся индикатор: «системы связи – нормально», он произнёс с раздражением:

– Всем говорю, над нами где-то дрон висит, – и добавил: – Прямо над нами – уж больно бьют прицельно. Посмотрите и, если найдёте, сбейте его на хрен.

В том, что дрон был совсем рядом, Аким не сомневался. Будь он в трёх-четырёх километрах, через висящую над позициями пыль он ничего бы не разглядел.

В узком окопе, что вёл от блиндажа к передовой траншее, он нашёл радиста и подтвердил командирским кодом запрос машины эвакуации раненых. Нужно было выяснить, что там с РЭБом. И он спрашивает:

– Величко, ну что там у тебя?

– Откапываем, – почти сразу отвечает командир отделения, – казаки вроде живы, твой зам там... Помогает с той стороны.

«Каштенков жив».

До этой минуты он старался не думать о потере своего старого товарища, занимая мысли текущим боем. Мало того, он чувствовал, что ему сейчас не хватает Сашки.

«А на связь не выходил, потому что блиндаж операторов РЭБ так же экранирован, как и блиндаж командира».

Это была хорошая новость, но бой ещё продолжался, а на четвёртом узле, кроме него, казака Сапожникова да радиста, никого не было. А именно тут «крабы» изрядно проредили минное поле. Саблин боялся, что именно здесь китайцы и ударят. Не зря же они сюда запускали «крабов».

– Вызови мне «девятку», – говорит он Милевичу. И тот сразу начинает выполнять приказ...

И тут мина бьёт рядом с ними. Ход узкий, в него мина не влетела, взорвалась над их головами, но и этого было немало. То ли осколками, то ли грунтом ему сбило правую переднюю камеру. И пока искал в кармане и вставлял новую, Саблин орал в эфир:

– Ещё раз говорю, всем искать дрон, он где-то над позицией или рядом! Ищите, это приказ!

Радист ещё до конца не пришёл в себя после взрыва, но Аким хватает его за рукав пыльника и тащит от этого места подальше. Уж больно велика вероятность, что дрон их «видит» и оператор снова наведёт на них миномёт.

– Ну, ты в порядке? – спрашивает урядник у связиста, когда они снова присели на дно узкого хода.

– Да.

– «Девятку» вызывай.

– Уже вызвал, – Милевич снова колдует с планшетом и вдруг говорит: – От них сообщение... Уже: вот.

Он разворачивает планшет к командиру, и Аким, откинув забрало шлема, сам читает. А сообщение короткое, чёрные буквы на зелёном фоне:

«Веду бой, подкрепление выслать не могу. Шестнадцатый».

Саблин всего на секунду задумывается. Соседей и справа, и слева связали боем, его засыпают минами, «крабы» пробили проходы в минных полях... Сомнений у опытного воина не осталось никаких:

«Будет атака... Настоящая атака... «Крабами» и миномётами дело не закончится».

И он говорит радисту:

– Давай «сотню».

– Есть. Готов...

Саблин диктует:

– Высока вероятность атаки на моём участке, прошу выслать подкрепление. Тридцать первый.

Радист через пару секунд протягивает ему планшет, и он подтверждает сообщение. Оно уходит в штаб его «сотни». А обстрел его позиций не прекращается.

И снова хочется вдавиться в стену траншеи после близкого разрыва. Снова он слышит, как в наушниках фырчат крупные осколки над головой. И он прекрасно понимает: новые раненые – это дело времени. Тем более после того, как Сапожников, в который уже раз, сообщает на весь эфир:

– «Крабы» на четвёртом участке.

«Вот... Ещё одна волна... Это понятно, они теперь так и будут наваливаться здесь, на четвёртом узле. Поняли, что пробили проходы в минных полях, сюда бросят и пехоту; понимают, сволочи, что на этом участке соседи с «девятки» нам ничем помочь не смогут. От них наш четвёртый узел далековато».

Но думать об этом некогда. Оставив радиста на месте, сам, не разгибаясь, движется к передовой траншее.

А пока шёл туда, услышал рапорт:

– Казак Шульга. Коптер противника уничтожен.

– Молодец, Шульга, – радуется урядник, задрав камеры в небо и ничего там в пыли не разглядев. – Напомни мне потом.

Конечно, медаль за такую мелочь не положена, но официальную благодарность от командира казак заслужил безусловно. И, как будто подтверждая слова Шульги, вскоре мины на позицию падать перестают. Радоваться рано, этот дрон-наблюдатель, конечно, у китайцев не последний. У них этого навалом, впрочем, у них всего навалом.

На передке он снова занимается тем, чем командир взвода заниматься не должен. По идее, его и быть там не должно. Саблин нехотя снова зовёт к себе радиста. Отбиваться на передовой – не дело радиста, но пока мины не летят...

– Та-та... Та-та... Та-та...

Стреляет, как учили, попадает... Этот Милевич – толковый парень...

Снова все слышат, как орёт Сапожников, орёт в общий эфир:

– Снайпер! Снайпер бьёт!

«Ну вот, если снайперы противника уже не прячутся и обозначились, значит, дело вот-вот начнётся».

– Не торчи над бруствером, – говорит Саблин радисту по «близкой» связи, и едва он договорил, как один за другим, с глухим, тупым звуком, взметнулись перед ними два больших фонтана грунта и песка.

– Пулемёт! – орёт Сапожников так, как будто в первый раз оказался под огнём.

– Милевич, долго над бруствером не торчи... Выстрелил – присел, перешёл на другое место, – говорит урядник и идёт по траншее к Сапожникову.

Подходит и говорит немного раздражённо по «близкой» связи:

– Матвей, ты чего так орёшь?

А тот, словно не понимая раздражения командира, продолжает стрелять и орать, и при этом ещё указывать рукой вперед:

– Вон... Где кактусы были, там мин почти не осталось, – он делает выстрел, разбивает очередного «краба» и снова показывает: – и вон там, правее, тоже. Всё... Нет мин на этом участке. Тут пойдут... Попрут ещё до рассвета!

И не закончил он фразу, как прямо перед ними в грунт бьёт пуля и, расшвыривая комья, ударяет казака прямо в горжет. [1] Под шлем.

Удар откидывает Сапожникова от бруствера. Саблин присаживается рядом, хватая товарища и слышит, как тот кашляет.

– Матюха, – они знакомы с детства, Аким даже думать не хочет, что с его старым знакомцем может случиться что-то нехорошее, – Матвей, ты как?

– Вдарило сильно, – сипит Сапожников. Он кашляет.

Это ему очень повезло, что пуля сначала зацепила грунт, а потом ещё влетела в горжет.

– Пробитие есть? – волнуется Саблин.

– Да нет... – кричит Сапожников и пытается подняться. – Пристрелялся, сволочь... Надо же!.. Попал-таки с третьего выстрела... Тля песчаная...

Каким-то чудом самый край камеры зацепил это... Аким видит, как в траншею валится что-то, вовсе не похожее на ком грунта... Не бывает у грунта сегментированных подвижных лап...

«Краб!».

«Краб» в его траншее. Он сразу, придавив Матвея к земле, вскидывает дробовик и с первого выстрела разносит подвижную мину. Она взрывается.

– Вот, – пытит под ним Сапожников и очищает камеры от пыли, – доползли, значит.

А урядник поднимается к брустверу и тут же делает три выстрела, тремя патронами разбивая двух «крабов». И сразу прячется вниз, а из бруствера начинают разлетаться куски грунта.

Это пулемёт. Теперь так и будет. «Крабы» будут напозать волнами, а за ними пойдёт пехота противника; а чтобы по пехоте не били, пулемёты, снайперы, миномёты будут беспрестанно накрывать огнём бруствер и передовую траншею.

– Самохин! – вызывает урядник, перезаряжая дробовик.

– Тут, – сразу отзывается командир первого отделения. – Я почти всех откопал. Все живы.

– Понял. Пришли трёх человек на четвёртый участок, – приказывает Аким.

Саблин снова поднимается к брустверу и уничтожает первым же выстрелом торопящуюся к нему передвижную мину. Окидывает быстрым взглядом пространство...

Сапожников прав... Тут, перед ним, всё перепахано взрывами, «крабы» и мины взорвались, оставляя небольшие ямки повсюду. Ещё вчера вечером тут были надёжные полосы из мин

в двадцать метров шириной, от них остались только небольшие нетронутые взрывами куски, пехота спокойно может тут двигаться.

Он присаживается за бруствер. Слушает, как стреляет Сапожников, и вспоминает расположение... Если противник всё-таки спустится в окопы... где лучше его останавливать?

Бой в окопах.

«Ладно... Не впервой...».

Тут у казаков будет преимущество. Китайцы не смогут использовать в полную силу своё оружие, ни пулемёты им тут не помогут, ни снайперы, а броня у пластунов намного лучше, чем у китайских пехотинцев. Так что здесь, в траншеях, всё будут решать щиты и гранаты. Ну и опыт, конечно.

«Придётся отсекай противника с двух сторон, с третьего и пятого участков, и главное – не дать ему пройти дальше блиндажа четвёртого узла. Надо будет подготовить мины».

Это была обычная практика обороняющихся казаков. Народа в сотнях мало, а участки обороны всегда большие, вот в самый жаркий час пластуны и ставили в свои траншеи мины, чтобы не дать пехоте противника свободно перемещаться по обороняемому рубежу. Но это дело последнее.

Последнее...

Сейчас урядник даже не знал, сколько у него человек в строю. Саблин уже потерял двух бойцов ранеными. Смогут ли участвовать в бою операторы РЭБ и его помощник Каштенков? А что с Ключевым и тремя казаками из его отделения, он вообще понятия не имел.

Аким быстро выглядывает за бруствер – нет ли «крабов» – и тут же, чтобы не получить пулю от снайпера или от пулемётчика противника, прячется обратно. Он ничего не увидел, хотя Сапожников ещё постреливал справа. Аким направляется к радисту и находит того сидящим на дне траншеи. Командиру сразу не понравилась поза Милевича.

– Милевич, ты чего? – Аким присаживается на колено рядом.

– Задело меня, – отвечает радист. Правую руку он прижимает к груди, а левой поднимает винтовку, вернее обломки на ремне, которые недавно были оружием.

– Почему не сообщил о ранении? – спрашивает урядник, а сам берёт правую руку радиста и рассматривает её, видит разбитый привод «плеча», свисающую из локтевого шарнира проводку.

– Устава не знаешь, что ли?

– Да я не ранен, – отвечает Милевич. – Рука болит, но крови нет. Снайпер подловил меня, малость не рассчитал.

– И как я буду теперь без радиста? Второй радист с Ключевым был, – Аким знает, что сам в этом виноват... Нельзя, нельзя последнего радиста тащить на «передок» во время боя.

Надеялся, что ерунда... «Крабы», всё обойдётся... Но Милевич говорит ему, словно пытается успокоить или оправдаться:

– Так вы не беспокойтесь, господин урядник, я проверил, рация целая. А я уж как-нибудь...

– Как-нибудь, – повторяет Аким и слышит, как за ними, где-то уже возле блиндажа, разрывается мина.

Саблин опять задирает камеры в небо. В принципе, он не сомневался, что китайцы снова запустят коптер, а сам говорит:

– Снайпера, на четвёртом участке снайпер житья не даёт, нужно его подуспокоить.

Снайпер и его второй номер ответили, что идут. А урядник, всё ещё разглядывая небо, сказал уже радисту:

– Милевич... Ты от меня теперь ни на шаг.

[1] Горжет – подвижная часть брони, опирающаяся на кирасу и частично на шлем.

Глава 7-8

Нужно было всё-таки выяснить, что там с Клюевым, и он вызывает Самохина.

– Андрей, что с шестым узлом?

Он специально не говорит: «что там с Клюевым?», как будто если спрашивать просто про блиндаж, то вероятность того, что Клюев и его казаки целы, будет выше. Всё это обычные боевые предрассудки, давно въевшиеся в воюющих людей. Нельзя произносить слово «последний», если речь идёт о человеке... Нельзя спрашивать о человеке, который на задании, жив ли он; если не спрашивать, то он обязательно будет жив. А если спросить... Нет... Нет, про такое спрашивать нельзя. Есть ещё куча всяких маленьких словесных табу. Хотя всё это ерунда...

Знает Аким: сколько не придумай ритуалов в надежде обмануть смерть, её не обманешь, но всё равно он соблюдает эти старые правила.

– Блиндаж уничтожен. Завален. Клюев, гранатомётчики, оба, и медик Ромейко в блиндаже, остальные со мной, – докладывает Самохин. И не дожидаясь от командира следующего вопроса, продолжает: – Песок мы сгребли уже, а тут... Бетон в крошево. Перекрытия разломлено... Работаем.

– Долго вы... – выражает неудовольствие урядник.

– Так по нам мины летели и летели, только сейчас полегче стало. Выворачиваем куски потихоньку, – оправдывается приказной.

Он не говорит, слышно ли ему что-то с той стороны из-под обломков, но Саблин, да и все казаки взвода, по одному лишь его тону всё понимают. Тон у Самохина нерадостный.

– Иду к тебе, – говорит Аким, он хочет сам всё видеть. Нехорошее чувство, не покидавшее всю сегодняшнюю ночь, стало вдруг острее. Ощутимее.

Пока что всё обходилось для него не так уж и плохо. В его взводе до сегодняшнего дня даже раненых не было. А сегодня... Да, били его крепко, по науке, но людей он ещё не терял, и вот эти слова Самохина: «бетон в крошево»... В общем, он должен был видеть всё своими глазами. И уже двинулся по траншее к пятому узлу, как снова на весь эфир заголосил Сапожников:

– Кажись, пехота пошла!

Саблин остановился, и Милевич, идущий за ним, едва на него не налетел.

– Кажись? – спрашивает Аким. – Матвей, так пошли они или нет?

– Пошли, пошли, – почти радостно сообщает казак. – А ещё новую волну «крабов» пустили.

Не успел он закончить, как прямо туда, где должен был быть Саблин, за угол траншеи, прилетает мина. Влетает и рвётся. Всё вокруг чернеет. Аким протирает камеры.

«Слава Богу, да и Сапожникову», – думает урядник и сразу говорит в общий эфир:

– Казаки, дрон... Снова все поднимаем камеры, опять висит над нами эта зараза, не собьём – китайцы минами нас изведут. Ищем дрон, – и продолжает: – Самохин... Андрей... Ты давай там побыстрее.

– Есть побыстрее, – обещает приказной невесело.

Теперь нет смысла идти к Самохину, теперь самая горячая точка вверенного ему участка – это четвёртый узел. Саблин разворачивается, протискивается через Милевича в траншее и спешит к четвёртому блиндажу. Он сам хочет видеть пехоту противника. И уже прикидывает новое сообщение в «сотню». Тем не менее не забывает про остальное:

– Величко, ты моего зама откопал? Где он есть?

– Откопал, – отвечает Величко, – у него шлем там в блиндаже остался засыпан, он пошёл за запасным.

«Где он возьмёт запасной? Наш блиндаж тоже завален». У них на КП были и шлем запасной, и кое-какие узлы для быстрого ремонта, и нужное оборудование, и оружие новое. Сашка, наверное, пойдёт туда и найдёт только завал из бетона и песка.

Но Саблин недооценивал своего зама.

– Я уже всё нашёл, у раненых забрал шлем, – сообщает Каштенков в общий эфир. – Уже иду к тебе на четвёртый.

– Давай, – Аким рад слышать голос своего товарища. Он жив, здоров – это главное. Может, Саня и не самый умный из его знакомых казаков, но уж точно один из самых стойких. У них много за плечами всякого нелёгкого, того, что они прошли вместе.

Пока добрался до передовой траншеи, не упало ни одной мины, видно, НОАКовцы берегут этот дрон, близко к позиции его не подводят, а издали, через пыль, им мало что видно. Впрочем, они просто могут ждать, когда их пехота подойдёт поближе, и тогда высыпать на позицию казаков целую кучу этой гадости.

В одном из проходов он замечает двух казаков, по длинной винтовке узнает их. Это снайпер Рогожкин и его второй номер Рыжков. Они сидят на дне траншеи, их забрала открыты, казаки курят. Он ни слова им не говорит. Ни про перекуры во время боя, ни про открытые забрала, которые в бою, по уставу, открывать нельзя.

Когда начнётся настоящий бой, они станут главной силой, что будет удерживать наступающих на расстоянии от траншеи. И, естественно, в них полетит всё, и миномётные мины, и гранаты, и пулемёт противника их будет накрывать, и снайперы китайцев. Им придётся всё время менять позиции... После каждого выстрела... Рассвет для них лёгким не будет.

Он проходит дальше и, даже не разобрав, что за казак сидит под бруствером, встаёт рядом и смотрит перед собой, фокусируя камеры.

Тысяча сто... Тысяча шестьдесят... Тысяча двадцать метров... Он насчитывает девять фигур... Конечно, их больше, только дальше торчат над бруствером нельзя, и он спускается вниз.

– Милевич!

– Я тут, господин урядник...

– «Сотню» набирай...

– Набрана, как раз сообщение из «сотни» пришло, – отвечает радист, заглядывая в планшет.

– Что там?

– Пишут, что высылают эвакуационный транспорт для раненых.

– А про подкрепление?

– Пишут, что резерв пока формируется. Приказывают держаться.

– Держаться? Пиши: участок атакован пехотой... – он злится и на секунду задумывается: «нет, не будут китайцы атаковать одним взводом так хорошо укреплённые позиции»; и продолжает диктовать: – ...в количестве двух взводов при поддержке миномётов, у меня значительные потери, в строю осталось менее пятнадцати казаков. Тридцать первый.

Он подтверждает сообщение и отправляет его. И снова поднимается к брустверу, снова вглядывается в приближающегося врага. Девятьсот шестьдесят... Девятьсот пятьдесят... Девятьсот десять... Теперь он насчитал только в первой волне семнадцать человек.

«Точно, два взвода! Не меньше».

И тут же в бруствер бьют две пули. Пулемёт. Не то чтобы близко, но всё равно неприятно. Пулемётная пуля даже с тысячи метров не оставит шанса на выживание, если правильно попадёт в шлем.

Он присаживается и слышит:

– Аким, ты тут?

Это Каштенков. Он показывается в ходе сообщения.

– Тут... – отвечает Саблин. Он рад, что его заместитель наконец нашёл его. И конечно же, рад, что Сашка, который его последнее время изрядно раздражал, вообще жив.

Каштенков присаживается рядом с ним и Милевичем, на что казак Сапожников, стоящий у бруствера в десяти шагах от них, замечает им с ехидством через СПВ, чтобы другие не слышали:

– Молодцы вы, отцы-атаманы, кучно сели, ещё и радиста рядом посадили... Ага, чтобы одной миной всех троих накрыло.

– Не гунди, не гунди, Матюха, – беззлобно отвечает ему Каштенков, – за «крабами» следи. Не пропусти, – и продолжает, обращаясь уже к Саблину: – Слушай, пулемёт наш на шестом узле был, у Ключева, пусть Самохин его сюда тащит, если откопал, а я пока точку под него оборудую.

Сашка пулемётчик, и пулемётчик неплохой, но Акиме эта идея не по душе. Пулемётная точка – одно из самых опасных мест в бою, он не торопится соглашаться. А Саня говорит дальше:

– Давай, а вторым номером я... да вон хоть того же Матвея возьму, он знает, как от мин прятаться.

Сапожников слышит их, смеётся:

– Хе-хе... Нет, нешто я дурной к пулемёту становиться? Нет, спасибочки, я как-нибудь с винтовочкой повоюю...

И тут же рядом бьёт мина, осколки шуршат в воздухе. Опытный Сапожников сползает вниз и ругается:

– Слышь, отцы-атаманы, разбредитесь вы... По вам же целят миномётчики. Дрон вас видит.

Конечно, он прав, и Саблин, Каштенков и Милевич скрываются в узком ходу сообщения. И там Сашка не успокаивается:

– Ну что, несём пулемёт сюда?

Да, пулемёт сюда нести было нужно. Если позиция будет отдана, обязательно вызовут его к руководству и спросят: а отчего же ты, урядник Саблин, не стянул все огневые средства к участку прорыва?

Да, спросят, и поэтому он отвечает Сашке:

– Саня, мысль правильная, но сначала ты давай пробегись по блиндажам и собери все оставшиеся мины. А потом уже и пулемётом займёмся.

– Мины? – переспрашивает Каштенков. – Минировать проходы будем? Думаешь, не удержим первую траншею?

– Саня, иди ищи мины, – говорит Саблин назидательно. – Китайцы идут, а мы тут беседуем. Вперёд.

– Есть искать мины, – соглашается Каштенков и встаёт. – Самохин, у тебя на узле мины оставались? – тут же останавливается, так как Милевич произнёс удивлённо:

– Танк!

– Что танк? – спрашивает Каштенков вперёд командира.

– Танк сообщение прислал! – продолжает радист.

– Какой танк? – не понимает Сашка. А Саблин тянет у радиста планшет. – Дай-ка сюда.

Он открывает забрало и читает сообщение, а потом ещё раз и, уже закрыв шлем, говорит по СПВ Сашке и Милевичу:

– Танкист пишет, что будет на позиции ведения огня через двенадцать минут, просит сразу обозначить цели.

– Так что, за минами не идти? – не понимает Саня.

– Иди танк встречай, – говорит ему Саблин. – А я займусь целями.

Надо бы, конечно, покурить, но времени у него нет. Танк торчать долго с ним не будет. Уж больно лакомая цель для артиллерии противника. Поэтому Аким снова пошёл к передовой траншее. Пошёл определяться с целями и приоритетами.

Утром, когда уже всё стихло, когда раненых и погибших уже увезли, приехал на его позицию сотник Моисеев. И не один. С ним был хорунжий Вехов, а из полка приехал есаул Маленков.

Прошлись они с урядником по траншеям, засыпанными осколками от мин, посмотрели на разбитые блиндажи, на огромные воронки от тяжёлых снарядов. Есаул минут десять расспрашивал Акима о том, как шёл бой. «А как случилось это? А как произошло то? – он оказался человеком довольно въедливым. – А вы что предприняли? А почему так не сделали?». Саблин как мог ему отвечал, и вроде всё у него выходило складно. Всё понятно. А в конце, когда они стояли у того, что осталось от шестого блиндажа, есаул, разглядывая куски битого бетона, произнёс:

– Урядник, я жду от вас подробного рапорта. Мне важно знать всё, все мелочи. Разбейте все события по времени.

– Есть разбить по времени, – отвечал ему Саблин, а сам думал: «Хрен я там это время вспомню. Придётся по планшету радиста смотреть».

– С рапортом не тяните, я буду ждать, – сказал есаул.

И сказал он это так, что и не понять, доволен ли услышанным или нет. А когда начальство уезжало, Вехов остановился и напомнил уряднику:

– Слышь, Аким, ты это... всё оружие, что сломано, собери. Ничего не выкидывай. Списки утраченного снаряжения составь, у тебя образец должно быть, ты это... отнесись к этому внимательно. Это важно, понял?

– Понял, – отвечал Саблин.

– Собирайтесь потихоньку, менять вас будут сегодня, – продолжил хорунжий, и на прощанье он пожал Саблину руку.

А уже примерно через час на позиции приехали «инженеры». Стали смотреть, что можно восстановить на глазах у противника. Они же помогли казакам Саблина вытащить из-под обломков блиндажей остатки снаряжения и амуниции. Искорёженные станции РЭБ, генераторы, помятые ящики с боеприпасами, в общем, всё, что можно было ещё использовать или списать.

И в тот же день его взвод сняли с участка «десять шестьдесят один». Вот так и решился вопрос с пропавшими минами, решился сам собой. Теперь про них и не вспоминал никто.

Всё поломанное, утраченное погрузили на транспорт и отвезли в полк. Ко всему собранному добавлялись доспех и оружие, получившие повреждение непосредственно на самих казаках. Винтовка и кираса с «плечом» Милевича были тут же.

Глава 8

Саблин думал, что это всё, как обычно, сделает писарь в штабе «сотни», а он только подаст документы, списки погибших и раненых. Он и подал. Двое погибших: приказной Клюев и гранатомётчик Варежко. Пять раненых и четверо условно раненых. То есть четыре казака были не в строю, но поражения их были не тяжелы, и везти их в госпиталь не было нужды. В общем, список Аким подал, а писарь Савицкий, человек, в общем-то, неплохой, а от службы отстранённый из-за неизлечимой болезни ног, и говорит ему:

– Подсотенный приказал, чтобы похоронки писали взводные. Если не знаешь, что писать, – вот, – писарь протягивает уряднику небольшой листочек бумаги. – Это образец.

– Что? – не понял Саблин, но бумажку взял в руки, уставился на неё. – Мне самому похоронки писать?

– Приказ подсотенного, – Савицкий развёл руками: ну я-то тут при чём, моё дело маленькое.

Саблин вышел из штабной палатки, а Сашка, который стоял и курил со знакомыми казаками, по лицу, что ли, всё понял и спрашивает:

– А что случилось-то?

– Да Савицкий говорит, что похоронки теперь мне писать. Говорит, подсотенный распорядился это дело взводным передать, – отвечает урядник своему заместителю.

А тот бросает окурок и смотрит на своего товарища и качает головой: нет, нет.

– Чего ты? – спрашивает Саблин.

– Даже ничего мне не говори про это!

– Что? – спросил Аким, поначалу не поняв, о чём говорит товарищ, но когда понял – уточнил: – Это почему?

– Я ничего писать не буду, я с Варежкой на одной улице живу, я его Надежду знаю, детей его... Я ничего такого написать им не смогу... Нет, Аким, нет.

«Но кто-то должен это сделать, кто-то из казаков должен сказать или хотя бы написать близким погибших хоть какие-то слова».

И, признаться, Саблин думал, что Саша ему поможет в этом. Ну а кто ещё должен в таком деле помогать?.. Но, как выяснилось...

«Сашка ещё та рыба стеклянная!».

– А я тебя и не просил, – чуть раздражённо говорит урядник. Его раздражение можно понять... Впрочем... Каштенков всегда был таким: как какая-то неприятная работа, так он сразу отползает. Ну или пытается это сделать...

– Ну вот и хорошо, – заканчивает этот неприятный разговор Каштенков. – Подсотенный приказал похоронки писать взводным, вот как стану взводным, так и буду писать.

– Ты по утраченному снаряжению всё переписал? – спросил Аким у своего зама.

– Вот, – Сашка показал целую кипу небольших листков, достав её из сумки, – всё записал, Куницкий сказал, что ничего нового не получим, пока всё ломаное не сдадим и не принесём квитанции. Квитанции! – повторил Каштенков важно. – Это серьёзно, это тебе не в китайцев стрелять. А вот с квитанциями мы уже с полкового склада всё получать будем, у него нет столько запчастей от бронекостюмов.

Вахмистр Куницкий знал, что говорил. И Саблин тогда произнёс:

– Ну раз всё, то надо в полк ехать.

– Может, поедим сначала?

– Может, в полку поедим?

– Слушай, не люблю я там есть, – морщится Каштенков, – там сутолока вечная, народу прорва, у кондиционеров не сесть, и порции маленькие дают.

– Ну, это уж неправда твоя, – не соглашается насчёт порций Саблин. Сутолока – да, у кондиционеров вечно все места заняты – тоже верно. Казаки там могут под кондиционером чаи часами гонять, но порции в полковой кухне ничем не хуже, чем на кухне их четвёртой «сотни».

– Да я тебе говорю! – оживился Каштенков. – Не только я замечал, что у них там порции меньше. Гарасимов тоже. Это, кстати, он мне сказал, а я уже с его слов стал приглядываться. Пригляделся – и вправду меньше.

С ним лучше не спорить, Аким давно это понял, Саня всегда найдёт несколько доводов и ещё пару свидетелей вспомнит. Так что спорить с ним он не собирался. Но ему и не пришлось, у штабной палатки их встретил подсотенный Черкас.

– О, Саблин, Каштенков! Здорово, казаки!

– Здравия желаю, господин подсотенный, – нескладно отвечали урядник и зам.

– Так, – он разглядывает их с явной претензией, – вы вчера машину забрали и угнали её в полк.

– Ну да, там утраченное снаряжение. – отвечал ему Аким.

– И что, почему не списали утраченное? Долго вы мне ещё транспорт будете мариновать? Думаете, у него нет другого применения?

– Так вот уже едем! – заверил командира Каштенков. И показал ему все подготовленные бумаги. – Вот только закончил оформлять. Сами же понимаете, сколько тут писанины...

– Кстати, насчёт писанины... Аким, рапорт написал? – интересуется подсотенный.

– Так точно.

– Ну вези, не тяни. Там ждут его.

– Есть, – отвечает урядник, а сам думает: «А откуда он знает, что рапорт ждут. Неужели из полка справлялись уже?».

Штаб Второго полка расположен у подземных источников. Палатки стоят рядом с насосами, качающими воду. Тут воды хоть залейся. Помывочные работают круглосуточно, и вода отличная. У большой штабной палатки их вахмистр Волошин и высадил, а сам поехал грузиться водой и провиантом. Саблин и Каштенков разделились, урядник пошёл искать есаула Маленкова, а Каштенков – грузовик с разбитым снаряжением. И договорились встретиться в полковой столовой, пообедать там, а потом и помыться как следует.

Вот только Маленкова Акиме искать не пришлось, тот встретил его у канцелярии, почти у входа в большую палатку.

– Урядник!

– Здравия желаю, господин есаул.

– Рапорт привезли?

– Так точно, – Саблин полез под пыльник и вытащил бумаги. – Вот.

– Следуйте за мной, – приказал есаул, взяв бумаги, и сам пошёл в совещательную часть палатки, где на длинном столе были разложены карты.

– Садитесь, – приказал Маленков, указав на самый конец длинной лавки у стола; сам, сдвинув часть карт, сел с другой стороны, напротив. Развернул бумаги и, разбирая не очень-то хороший почерк урядника, начал читать, а потом поднял голову и спросил:

– А почему печатать не стали?

– Я... Много слов... Долго печатаю, – ответил ему Саблин. – Мне на бумаге сподручнее...

– Сподручнее? – понимает есаул. – Угу... Ну а заместитель ваш чего не помог?

Тут Аким совсем не по уставу махнул рукой: это бесполезно. И есаул снова начал читать. А к ним подошли ещё два офицера; одного из них, сотника Тихонова, Саблин знал плохо, этот офицер был не из его станицы, и по службе с ним урядник никак не пересекался, а вот второй был ему знаком хорошо. То был сотник Короткович, бывший командир сотни, в которой он служил. И есаул стал с ними вместе читать его рапорт, а через некоторое время Короткович и спрашивает:

– Так вы на КП оказались один?

– Так точно, спал у себя.

– Не по уставу, – продолжает сотник. – Где был дежурный во время начала боя? Кто это был?

– Это был младший урядник Каштенков, – говорит Аким. – Когда начался обстрел, ему сообщили, что накрыли шестой пост, он попытался связаться с постом РЭБ, выяснить, работают ли станции, но ему не ответили, и он меня будить не стал... Сам пошёл проверить, что с РЭБ. А там уже тоже были попадания, произошло пробитие перекрытий, разрушение генератора и возгорание, он с операторами РЭБ стал тушить огонь, и после очередного попадания в пост их там завалило.

– А радист на КП дежурил? – не отставали от Акима начальники. На этот раз спрашивал Тихонов.

– Как и положено по боевому расписанию. Но он тут как раз вышел, отлучился, – ответил урядник и добавил: – И слава Богу.

– Что значит «слава Богу»? – неприятно интересуется Короткович.

– Ну, прямо над его местом... прямо над местом, где сидят радисты, снаряд проломил бетон... И там такие... большие куски... обломки... упали на их место... На место радистов, – объяснил Саблин, – радиста бы помяло сильно, даже в броне.

– У вас про это ничего не сказано в рапорте, – заметил есаул, отрываясь от чтения.

– А должно быть, – продолжал Короткович.

– Исправлюсь, – обещал урядник. – Первый раз о таком бое пишу рапорт.

А Маленков продолжил чтение и уже читал на третьей странице. Он поднял глаза на Акима:

– У вас не указано, во сколько танк вышел из боя.

– Я... потерял время, – отвечал Аким, – тем более, я был на передке, а он работал у меня из тыла.

– А что вы делали в передовых траншеях? – интересуется сотник Тихонов.

– Давал целеуказания танку.

– Сами? Почему сами?

– К тому времени у меня было шесть человек раненых, да ещё шестой пост откапывали казаки, – вспоминает Саблин. – Мой зам был при танке... В общем, больше некому было.

– Это тоже нужно было указать в рапорте? – не отрывая глаз от бумаг, произнёс есаул. – Танк во сколько ушёл от вас?

– Не могу знать, – ответил урядник. – Не помню.

Хотя очень хотел сказать, что танк укатил с позиций уже через десять минут после того, как там появился. И все эти десять минут, стоя глубоко в тылу, танкист орал ему в открытый эфир, что его сейчас накроют, психовал и матерился, требовал от Саблина немедленно дать ему цели для огня.

– Командир танка пишет, что пробыл у вас на позициях тридцать две минуты, – заметил Тихонов.

– Не могу подтвердить, – почти не врал Аким. И тут же врал: – Не помню. Может, и тридцать.

– Эффективность его работы можете оценить?

– Пулемёт он накрыл точно, – произнёс Саблин. – Вторым снарядом. Больше нас пулемёт не донимал.

– Он пишет, что уничтожил снайпера противника.

– Нет, не уничтожил. Снайпер после отработки танка сменил позицию и продолжал работать по нашей передовой траншее, вёл огонь до конца боя.

– А как танк отработал по наступающей пехоте противника?

– Ну... первые два снаряда легли с недолётом, – вспоминал Аким. – Я скорректировал его, но потом такая пыль поднялась... Трудно сказать про остальные шесть снарядов... Вроде ложились туда, куда нужно... По первой цепи наступающих...

Ему не нравилось поведение танкиста, его ругань и глупые претензии. Сержант Васильев все эти десять минут ныл и всё время упрекал Саблина в некомпетентности и медлительности, но сказать, что танк приезжал зря и был бесполезен, Аким всё-таки не мог. Как ни крути, а пулемёт он уgomонил, пехоту противника уложил на грунт и, что немаловажно, отвлёк на себя сначала все миномёты НОАКовцев, а потом ещё и их артиллерию. Дал пятнадцать минут передышки Саблину и его казакам.

– Пехота противника начала отступать после работы танка? – уточнил есаул, перестав читать.

– Нет, они стали отходить, когда ко мне подошли наши миномётчики, – вспомнил урядник.

– Всё это нужно дописать в рапорт, – заметил сотник Тихонов, протягивая Саблину карандаш. – Дописывайте, там у вас ещё есть место.

Аким взял карандаш и стал дописывать всё, что ему рекомендовали. Начальники сидели и терпеливо ждали, пока он запишет всё нужное, но и после этого его не отпустили, а стали дальше изводить вопросами. Но и у него были к ним вопросы, и когда есаул снова брал его рапорт в руки, он спросил:

– А вы ведь знали, что китайцы затевают атаку, господин есаул?

– Догадывались, – отвечает тот, заглядывая в бумаги. – Но не знали где. Сначала думали, что у вас на участке, потом считали, что на «двадцатке» попробуют. По расходу снарядов считали.

– Для этого мы разрывы считали? – уточняет Аким.

– И для этого тоже, – теперь отвечал сотник Короткович. – Но и статистику нам тоже важно знать. А как быстро, по-вашему, они обезвредили ваш РЭБ?

– По-моему... – Аким наверняка не знал этого, – ...первыми же снарядами они РЭБ и накрыли.

– То есть они сразу знали, где ваша станция?

– Ну, мне так кажется. Мой зам Каштенков уже был в блиндаже рэбовцев, когда снаряды стали прилетать по КП.

У офицеров было к нему ещё немало вопросов, и, к своему сожалению, далеко не на все их вопросы Аким мог ответить. Это его немного огорчало.

«Как бы в бестолковые не записали».

Глава 9-10

Только через два часа он наконец смог покинуть штабную палатку и пойти в столовую. А перед нею пылица и куча машин. Да и внутри пыльно и не протолкнуться – ужин. В столовой к тому времени собралась куча народа, тут были разные нашивки: медики, техники, связисты, интенданты, водители, банно-прачечная служба и всякие другие люди, что обеспечивают боевую работу Второго полка. Саблин, кажется, был тут один с топорами и пламенем на плече, он стал поначалу оглядываться, чтобы найти в этой толпе Сашку, а потом бросил это дело, взял поднос и встал в очередь на раздачу, так как уже давно хотел есть. И только тогда услышал знакомый голос, что перекрикивал шум в палатке:

– Аким! Аки-им!

Урядник обернулся и увидел своего зама. Тот занял хорошие места за длинным столом недалеко от кондиционера, он стоял и махал ему рукой: сюда иди! Каштенков успел взять уряднику еду. И когда тот уселся рядом с ним, Саня, подталкивая к Саблину пластиковую тарелку с кашей из кукурузы и тыквы с парой кусочков сала и обводя рукой помещение палатки, говорил:

– Сутолока. Хуже, чем у нас в чайной в день после собрания...

Ну, это и так было ясно, тут всегда было многолюдно: тыл, мастерские, штаб полка.

– Разве ж тут поешь нормально... – продолжал Каштенков, разглядывая очередь, что стояла к раздаче. – Тут этих тыловых... Что они тут все делают? Их тут на две комплектные сотни хватит.

Два медика, что ужинали рядом с ними, посмотрели на него, но Каштенков словно не заметил их взглядов. Он, кажется, ждал, что Саблин согласится, но тот не согласился, а, взяв ложку, огляделся и ответил коротко:

– Не хватит.

А Саня продолжал, словно не услышав возражения:

– Я вот так думаю, что на одного строевого казака приходится четыре каких-нибудь тыловых... – Сашка уже поужинал и теперь только попивал чай, а ещё держал в пальцах сигаретку, но не закуривал. – Точно, на одного казака четыре тыловых приходится.

– Нет, – коротко ответил Саблин. – Не приходится.

– Вот любишь ты поспорить, – произнёс Сашка спокойно и тут же интересуется: – А сколько приходится?

– Не знаю, – Акиму немного неудобно за своего зама, ведь их разговор слышат посторонние, несмотря на шум в столовой. И чтобы перевести разговор на другую тему, он спрашивает: – Ты списал ломаную снарягу?

– Списал, – отвечает Каштенков и показывает командиру списки со штампом «принято». – Вот.

– А когда нам новое выдадут?

– О-о, – заместитель машет рукой, – там очередь. Сказали завтра приезжать во второй половине дня. И то только оружие получим, а что касается доспеха, то и вовсе через пару дней выдадут. Но новую РЭБ-станцию уже завтра утром можно получить. Так что в этой столовке нам поесть ещё придётся.

– Придётся, – подтвердил Аким. А сам думает: «И хорошо. Не буду спешить получать новое снаряжение. До конца срока осталось девятнадцать дней. Хотелось бы просидеть это время в тылу».

– Придётся? – теперь Сашка уже удивляется. А потом и догадывается: – Нас, что, в сводную сотню собирают?

– Собирают.

– Я так и знал, – Каштенков расстроился. Это заметно. Как правило, все потрёпанные части собираются в отдельную сводную сотню, которая формируется в тылу как резерв. – Не люблю я тут сидеть. Все полковое начальство тут. Они вечно ищут, чем бы казаков занять. Уж лучше на передке. Там спокойнее.

– Завтра переедем сюда, я займусь расквартировкой, а ты получай снаряжение вместо утраченного.

– Есть заняться завтра снаряжением. – отвечает Саня невесело.

И уже к ночи урядник и его заместитель вернулись в распоряжение сотни, зашли в штаб, а там дежурный вахмистр Куницкий, пивший слабенький на вид чай с засахаренным кактусом, и спрашивает их:

– Ну что? Можно поздравлять?

И смотрит на них улыбаясь.

– А с чем поздравлять-то? – не понял Каштенков. – С подписанными квитанциями, что ли?

– Да с какими ещё квитанциями? – отмахивается от него вахмистр и глядит на Саблина. – С внеочередным...

– С каким ещё «внеочередным»? – теперь и Саня удивлён и смотрит на своего товарища. – Со званием, что ли? Тебе, что, командир, звание присваивают?

Но Аким ничего про внеочередное звание не слышал, он с подозрением смотрит на Куницкого.

– Не знаю я ничего ни про какие звания.

– Нет? – удивляется дежурный. – А я думал, вы в полк за представлением поехали.

– Я ездил рапорт сдавать есаулу, а Саня снарягу ломаную сдавал. Завтра хочу грузовик взять, нас в сводную роту переводят. В полк.

– А... грузовик. Сейчас в журнал тебя, Аким, запишу тогда, – отвечает вахмистр.

Они пошли в распоряжение своего взвода, и, естественно, Каштенков стал его расспрашивать:

– А чего это он про звания речь завёл?

– Да откуда я знаю, – отвечал Саблин; он и вправду не понимал, почему вахмистр стал говорить про представление. Хотя сегодняшний разбор его рапорта тремя офицерами и показался ему необычным, но это вовсе не говорило о повышении. Хотя рапорт получился неплохой.

– Интересно, а если тебе звание присвоят, то какое? Вахмистр?

– Сань, ну в самом деле... – Аким даже злиться немного на него начал, во-первых, потому, что ни о каком повышении сегодня не было и речи, а во-вторых... – Ну какой вахмистр... В самом деле... Ты как первые полгода служишь! Вахмистр – звание штабное, я хоть один день в штабе отслужил?

– Это что же значит? – не унимался Каштенков. – Тебе звёздочку дадут, что ли?

«Звёздочку... – Сашка имеет в виду звание прапорщика. – Неплохо было бы. Звёздочка... Всё-таки не лычки на погонах, – но это всё пока только мечты. – Вот этот Куницкий... Дал повод помечать!».

– Ничего мне пока не дают, – закончил Саблин этот разговор, от которого только пустые мечты в голову лезут.

– Эх, а хорошо бы внеочередное получить, – говорит Каштенков с такой сладкой мечтой в голосе, как будто это ему звёздочка на погоны светит.

– Ты лучше вспоминай, где наши палатки, – говорит ему Аким.

– Да куда они не денутся, – чуть разочарованно отвечает Саня. – да вон они, вторая и третья справа.

Так они добрались до своих казаков, которые к тому времени все уже спали, и, ложась на свою резко пахнущую инсектицидом раскладушку, Аким думал не только об оставшихся днях, что нужно провести на фронте, но и о том, что неплохо было бы вернуться в станицу с новыми погонами.

А утром, когда казаки его взвода уже грузили своё оружие и амуницию на машину, его вызвали в штаб сотни. Урядник, честно говоря, хотел найти вахмистра Куницкого и всё-таки узнать у того, почему он думал, что Саблину присвоят звание. Но вестовой его сразу потащил в отделение командира. А там его ждали сотник Васин и подсотенный Черкас.

И подсотенный после приветствия спросил у него:

– Саблин, а ты похоронные документы на павших казаков оформил?

– Никак нет, рапорт писал для есаула, а вчера в «полк» ездил, – объяснялся Аким.

– С этим тянуть не нужно, – сказал ему сотник.

– Есть не тянуть, – обещал урядник.

А потом Васин подошёл и протянул руку:

– Ну, наверное, уже не увидимся до осени, в общем, поздравляю вас, урядник, с присвоением внеочередного звания.

И Черкас тоже сказал:

– Ну, что сказать... Заслужил, Аким. «Присвоение» тебе в канцелярии полка выдадут уже. Ты зайди туда сегодня.

И тоже пожал руку Саблину.

Он вышел из штаба, когда казаки уже залезли в грузовик и ждали только его. Аким влез в кузов, хотя мог бы поехать в прохладной кабине, уселся на тюки с чем-то мягким, и Саня сразу спрашивает его:

– И чего тебя вызывали? Прощались?

– Прощались и просили не тянуть с похоронными письмами, – ответил Саблин.

– И всё? – как-то странно спрашивает Каштенков.

– А что ещё? – Акиму почему-то не хочется говорить ему о звании сейчас, может, потом как-нибудь.

– Ну, может, ещё что тебе сказали? – спросил у него заместитель. И в голосе его было что-то хитрое.

– Ты, может, отстанешь от меня? – говорит Аким и стучит по крыше кабины грузовика: поехали.

А сам поглядывает на своих казаков и вдруг видит, что те все смотрят на него и улыбаются. И тогда Аким вдруг понимает, что они все знают о его повышении. Он поворачивается к Сашке:

– А когда ты узнал-то?

– Да мне всё тот ночной разговор покоя не давал, ну, я поутру пошёл к вахмистру, а он и говорит: вечером, как раз перед вашим приездом, пришел из полка приказ о присвоении. Вот он нас и поздравлял. Ну что, значит, звезда на погон?

– Да вроде... – отвечает Аким.

А приказной Величко, закуривая сигарету, и говорит:

– Вот она, жизнь казачья: кто-то в землю лёг, а кто-то звезду получил.

Каштенков смотрит на него зло: ты к чему это? Но вслух произнёс лишь то, что запомнили все они с первых дней службы:

– Не плачут казаки по павшим.

– И то верно, – соглашается Величко. И его, в принципе, можно понять, он с Кузьмой Ключевым в четвертом взводе много лет служил.

Но и Саблин не виноват, что снаряд китайский так неудачно пробил перекрытия блиндажа на шестом посту. Например, блиндаж самого командира тоже завалило. В общем, всю оставшуюся дорогу о повышении командира казаки больше не разговаривали.

А когда были в канцелярии полка, Аким получил звание официально, как положено, с приказом, и заодно зашёл к сотнику Муравьёву – он занимался комплектацией подразделений – узнать, когда в его взвод прибудет пополнение, а тот ему и говорит:

– В ваш взвод пополнения не будет, вам до конца призыва сколько там... две недели осталось, что ли? Всё равно потом домой поедете, так что сидите в сводной сотне как есть, вдесятером или сколько вас там осталось.

И это была хорошая новость. Гранатомёта у него во взводе не было, пулемёта не было, у части казаков и броня была некомплектная. Это не взвод, а название одно, такой взвод и пристроить некуда.

Так что можно было спокойно досиживать последние деньки призыва в тылу. И пусть Сашка злится на местную столовую, он был согласен обедать и ужинать в толчее, торчать на глазах у полкового начальства, лишь бы под конец срока снова не угодить под тяжёлые «чемоданы» китайцев.

Правда, его взвод подняли ночью за четыре дня до конца призыва, всех его казаков стали собирать и спешно раздавать боеприпасы. С ними получали боекомплект ещё взводы из сводной сотни.

– Первый твой бой в звании прапорщика, – бубнил Каштенков.

– Сань, заткнись, а? – злился на товарища Аким. Ему очень не хотелось никаких боев, ни в каком звании. – Иди лучше узнай, нам медкомплекты новые давать будут? Первому взводу вон дали.

Сашка ушёл, а когда вернулся, сказал:

– Нам тоже дадут.

С одной стороны, МИК[1] – вещь ценная, дорогая. Можно радоваться. А с другой стороны, их просто так не раздают. Скорее всего, дело будет нешуточное.

– Прорыв, что ли? – спрашивали у него казаки.

– Не знаю, сотник мне ничего ещё не говорил, – отвечал он. – Если поедем, всё скажут.

А вскоре всех посадили на БТРы и ночью по страшной пыли погнали на семнадцатый участок. К пяти утра колонну остановили. Казаки выкручивали микрофоны до максимума, пытаясь услышать в рассвете канонаду или стрельбу, но ничего, кроме обычных ночных звуков, не слышали.

Так три БТРа простояли до девяти часов утра, а после сотник Удовиченко вылез из командной машины и сообщил:

– Всё, казаки, отбой. Едем обратно.

«Слава Богу».

А у казаков сразу возникал законный вопрос: медкомплекты теперь сдавать придётся или нет?

Глава 10

Женщины в станице заранее знают, когда придут машины с казаками, они, как и сами казаки, высчитывают дни до окончания призыва, отмечают всё в календариках. Так что, когда транспорт подходил к зданию штаба Второго полка, там было уже многолюдно. Женщины и дети собирались встречать мужей, сыновей, отцов. И едва машины останавливались, женщины и дети спешили к ним и кричали:

– Третий взвод где? Второй в какой машине?

Им отвечали, и казаки откидывали брезент, вылезали из машин, обнимали своих родных. Настя приехала с его старшим сыном Юрием. Он уже едва ли не выше отца ростом, но

долговязый какой-то, нескладный, сутулый немного, жена писала, что курить стал, ещё и говорить басом.

– Батя! – он машет Акиму рукой и, оттянув респиратор, орёт: – Батя!

Саблин выпрыгнул из кузова машины и тоже помахал ему рукой, а через других женщин к нему уже протискивается его Настя.

Настя. Нарядилась мужа встречать, в юбке пришла, в сапогах красивых. Он обнимает её, и тут же на него виснет сын, виснет и вдруг отстраняется. Аким знает почему. Он нанёс на свой выцветший от солнца пыльник новый рисунок. Раньше под буквами и цифрами 2ПКП.4СТ. 2ВЗ красовались три полоски урядника, теперь же тёмным на светлом фоне выделялась звезда.

– Батя! Обалдеть! Тебе звание присвоили? – воскликнул Юрка.

Он ничего не говорил близким, думал, что будет им сюрприз, и теперь по восторгу сына Саблин понял, что сюрприз удался.

– О Господи, – теперь и Настя увидала. – Прапорщик, – и ещё крепче обхватила его. – Теперь ты офицер!

– Ну... почти, – отвечал ей Саблин, прижимая её к себе. Он тоже по ней соскучился.

– А чего не сказал? Э-эх... И молчал, молчун... – говорит жена и удивляется: – Как так можно? Вот ты молчун, Аким, я бы так сразу тебе написала, чтобы похвастать, не утерпела бы.

– Так мне только перед окончанием призыва звание присвоили, – отвечает Саблин. – А потом дорога – некогда было, – он оборачивается к сыну. – Юра, заberi мою броню и снаряжение.

А сам идёт с женой, которая виснет на его локте и не сводит с него глаз, к их квадроциклу.

Дома прохладно... Видно, Настя электричества к его приезду не пожалела. Охладила хату. А ещё из кухни доносится запах печеной тыквы, а на обеденном столе он видит хорошо обжаренные на кукурузном масле и как следует просоленные лепёшки. Там же блюдо с печёным белым кактусом, жаренная большими кусками со степным чесноком свинина. Водка, сок со льдом...

Сразу видно, жена готовилась... А ещё дома его ждут с нетерпением младшие дети. Олег – второй его сын – и дочка Наташа. Дети у двери встречают отца. Олег – парень серьёзный, сдержанный. Он хочет быть как отец, думает идти на службу, хочет надел возле болота от общества получить, завести дом, участок.

И он сразу замечает звезду на пыльнике отца. Он военным делом интересуется, во всём разбирается, и пока старший сын втаскивает в дом большой ящик со снаряжением, Олег берёт у отца пыльник, разглядывает недавно нарисованную звезду и говорит с восхищением:

– Батя, ну ты... Вообще!

Саблин усмехается. А сам садится на свой табурет у двери и снимает сапоги. Это восхищение сыновей дорогого стоит. Жена... Ну, что жена. Ей, конечно, приятно, что муж, хоть и не большой, но начальник, а вот парни его... Они по-настоящему оценили заслуги отца – и это немного другое. Батя, мол, не учился нигде, а до прапорщика дослужился. Значит, храбрый и толковый у них отец.

– Ну а ты у меня как?

Она топчется на месте, то ли стесняясь отца, то ли робея. Он берёт Наталью на руки. Самое его сокровище, самая его большая боль. Саблин её прижимает к себе, целует в висок, хотя целовать заражённых людей врачи не рекомендуют, тем более детей.

– Хорошо, пап, кровью почти не кашляю, – девочка сообщает ему это как о своём главном достижении.

– Умница, – говорит Саблин с такой теплотой, которой ни жена, ни тем более сыновья его никогда не слышали и никогда не услышат. – Ты у меня умница.

Стол уже накрыт, еда давно готова, тут все любимые блюда Саблина, Настя накладывает мужу еду в тарелку: тыкву и кактус, мясо, а сама договаривает за дочку:

– Врач сказал, что левое лёгкое сейчас почти чистое, и правое в этом году менять не придётся. С этим ещё походит, до следующей весны точно. А там, врач сказал, ещё поглядит.

– С этим похожу ещё, – кивает Наташа. И хочет снять медицинскую маску. Но мать тут же осаживает её:

– Куда...? А ну-ка не снимай.

– Ну, ты у меня молодец. Стойкая... – он гладит дочь по голове.

– Казачка? – спрашивает дочь.

– Казачка, – улыбается Саблин.

Дочка что-то хотела сказать ему, но её опередил Олег:

– Батя, а за что тебе звание присвоили?

– Потому что папа храбрый, – за Саблина говорит Наталья.

– Да я и сам толком не знаю, – усмехается Аким, снова прижимая дочурку к себе. Но жена забирает у него Наташу, чтобы он мог приступить к еде. – Просто порядок во взводе держал, вот и присвоили, – и тут же ещё раз уточняет у жены: – Так что, грибок у неё не растёт, что ли?

– Растёт, но медленнее, чем должен, доктор говорит, что новые таблетки чудеса творят, – поясняет Настя, налив мужу рюмку и наконец сама присаживаясь за стол рядом с ним. – Новый антибиотик хорошо работает, но его доктору прислали на проверку, у него его больше нет, на один месяц осталось. А потом придётся старые принимать.

Новый антибиотик стоил дорого, но Саблин готов ещё заплатить, лишь бы не везти его любимую Наталку на очередную пересадку лёгких.

– А где же взять эти новые таблетки?

Настасья только качает головой:

– Он не знает, эти ему на пробу прислали. Пока их ещё не выпускают.

Аким хочет выпить молча, да Настя не даёт, тоже поднимает рюмку:

– Ну, за возвращение твоё, Аким.

«Вот только не вздумай рыдать!».

Аким косится на жену, но та лица не теряет. И они выпивают, а потом и ещё раз... Конечно, за звание. Он думал ещё и за погибших братьев выпить, но сейчас так за столом ему было хорошо и семье его было хорошо, что вспоминать про павших вслух он не стал. Помянул про себя.

Потом пришла двоюродная сестра Насти, Марьяна. Тоже его поздравляла, он выпил и с нею, но дальше с женщинами сидеть не захотел, и хоть жена высказала ему упрёк, он встал, надел КХЗ, взял с собой обоих сыновей и пошёл в свинарник.

Сыновья не раз получали нагоняй за грязь или недолжный уход за животными. Но на этот раз они знали, что отец, как только вернется, начнёт обход хозяйства именно отсюда, так что свинарник был идеально, показательно чист, а обе свиньи были здоровы и упитанны. Рядом был маленький курятник, в котором проживали худые куры при одном петухе. Они всегда худы – только во время дождей и саранчи куры толстеют до неповоротливости, но сейчас саранчи не найти. И жара. Впрочем, даже сейчас птица была в хорошем состоянии. Половина ещё даже при перьях, а перья чистые, все паразиты из них были удалены. Птицы жадно накинулись на колотую кукурузу, которую он им насыпал, а значит, были здоровы. Кур было меньше десятка, а Олег похвастался:

– Бать, за прошлую неделю пять яиц снесли.

Аким похвалил сыновей. Яйца – товар недешёвый. А ещё подумал, что и сало этой осенью будет отменным.

После они втроём пошли на его участки, что тянулись вдоль болота. И там всё было, в общем-то, в порядке, к каждой тыкве, как и положено, подходил «капилляр», и все они поти-

хоньку давали воду. Тыква была неплохой. Он снимает перчатку и кладёт на самую ближнюю к нему тыкву руку... Верхняя часть её горячая, но солнце тыкве было нипочём, от него она только слаще, кожура у неё толстая, для тыквы главное – вода, а так пусть её солнце палит. Будет воды в достатке – и через месяц каждая из трёхсот его тыкв перевалит за тридцать кило. Можно будет хоть сахар варить, хоть водку. И Аким идёт дальше, к кукурузе. С кукурузой всё было в порядке. Все два гектара, где она зеленела, были укрыты противосолнечной плёнкой. Всё сделано по уму. Так, как он и учил. Парни знали: лето было в разгаре, на солнце под шестьдесят, если кукурузу не спрятать – выгорит. Только на самом конце его участка кукуруза была вялой, блёклой. Не росла.

– Бать, уж не знали, что с ней делать, – признавался Олег.

– Да, давления не хватает, – объяснял всё Юра.

– Насос чистили? – интересуется отец.

– Два раза, – говорит младший сын. – И фильтры каждую неделю чистили, и шланги сматывали, сушили, меняли местами – не идёт вода как следует.

– Это насос, – говорит Саблин. Он не хвалит своих сыновей, не говорит им, что они сделали всё как нужно, просто соглашается с ними, и для парней этого достаточно. – Олег, снимешь его на ночь, а завтра отвезёшь. Поговоришь со Скрябиным, попросишь посмотреть насос. Знаешь, что спросить?

– Знаю, бать. Спрошу, можно ли отремонтировать или придётся новый покупать, – отвечает младший сын.

– Так, – соглашается Саблин и сворачивает направо, к болоту. Старшего он ни о чём таком просить не собирается. Юра закончил школу и пошёл в ученики к их доктору, ещё подрабатывает санитаром в госпитале. И опыта набирается, и какую-никакую, а копеечку в дом приносит. Те деньги в семье кстати. У Юрки времени свободного почти нет. По сути, когда Аким уходит в очередной призыв, младший Олег остаётся за хозяина. Ну а насчёт насоса... Так Аким ещё до последнего призыва знал, что по возвращению обратно ему придётся вопрос с насосом решать. Этот насос он уже ремонтировал дважды, ещё два раза двигатель перематывал, теперь Саблин не сильно надеялся, что и на этот раз обойдётся. А впрочем... Зачем тянуть? Из этого призыва он денег привёз. Всё-таки взводный получал заметно больше простого казака, да ещё и сорок два рубля получил премиальных за новое звание. В общем, теперь он не задумываясь мог купить новый насос, а этот, изрядно уже разъеденный кислотой, можно было и продать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.